

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ВЛАДИМИР МЯСОЕДОВ
И ИМЯ МНЕ -
ЛЕГИОН

Владимир М. Мясоедов

И имя мне – Легион

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=601195

И имя мне – легион: Фантастический роман: АЛЬФА-КНИГА; Москва;

2011

ISBN 978-5-9922-0857-3

Аннотация

Что делает неопытный оккультист после проведения ритуала? Он умирает, будучи убитым перед алтарем вместе с десятками своих коллег по несчастью. Но будет ли смерть для них концом или только началом чего-то большего, ведь она сплотила их в единое целое, имя которому – Легион.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	42
Глава 3	63
Глава 4	104
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Владимир Мясоедов

И имя мне – легион

Пролог

В громадном частном доме с просторными комнатами и вместительным подвалом шло какое-то торжество – то ли день рождения, то ли бал-маскарад. Гости, почти все одетые весьма странно, держали в руках разные свертки, коробочки, бутылочки и прочую подобную дребедень и по очереди вручали эти подарки одному и тому же человеку. Кринолины и гусарские мундиры, мантии и пиджаки, роскошные береты со страусиными перьями и кожаные кепки – все смешалось. Наряды не производили впечатления бутафорских, да и люди, чувствовалось, не в первый раз облачились в одеяния давно минувших дней. Виновник торжества, немолодой мужчина со смуглой кожей, горбоносый, смотрел на очередной презент, разве что не открыв рот от удивления. Впрочем, остальные были с ним солидарны, пребывая в состоянии, близком к шоковому.

– Невероятно! – воскликнул смуглолицый, крутя в руках золотую пластинку круглой формы с синим камнем в центре.

– Так меня не обманули? Это действительно творение атлантов? – спросил облаченный в форму времен Великой

Отечественной мужчина лет сорока, который и сделал поразивший всех подарок.

– Оправа явно нет... новодел, – ответил ему пожилой, – не старше трех тысяч лет, но камень... О! Это действительно Слеза Неба, а их умели выращивать только на острове магов!

– То есть это нечто вроде кольца Соломона? – уточнила женщина, одетая как фрейлина Екатерины Второй. – Но это же артефакт просто невероятной мощи!

– На порядок слабее, – покачал головой военный. – Я изучал историю подобных вещей и знаю, о чем говорю. Перстень древнего короля-колдуна раньше принадлежал кому-то из высших жрецов Атлантиды, а этот камень был сделан скорее для использования чародеем среднего звена... по их меркам среднего. Но все равно его мощь значительно превосходит все современные поделки.

– Да, – согласился с ним новый владелец. – Ученик... Нет! Мой любимый ученик и будущий преемник на посту главы ордена, где ты его достал?!

– Не поверите, – пожал плечами военный, – отошел по завещанию погибшего однополчанина. Я, как только понял, что попало мне в руки, расспросил его дух и узнал, что он забрал его из родового гнезда какого-то китайского мандарина. Был соблазн оставить его себе, признаюсь, но столь слабому магу всеми возможностями этой вещи не овладеть, так что дарю его вам.

– Просто невероятная удача, – покачал головой пожи-

лой, – просто невероятная... Ну что ж... пришло время вернуть старые долги. Ученики! Для того чтобы активировать этот артефакт, вернуть ему былую силу, нужны жертвы... много жертв. Но их число можно сократить, если использовать тех, кто сам обладает даром, слабым, неразвитым, спящим... Без разницы! Найдите мне их!

Глава 1

Речитатив заклинания все тянулся и тянулся, постепенно повышаясь, пока наконец не оборвался на самой высокой ноте возгласом «Приди!». Но никто не пришел. То ли потому, что идти куда-то в двенадцать часов ночи с субботы на воскресенье было влом, то ли потому, что призывали вроде как на древнеегипетском, а откуда в современной России забугорные мелкие духи многотысячелетней давности? Нет, у нас, конечно, в стране много всякого разного просроченного барахла... Но не до такой степени!

– Ну вот, – со вздохом констатировал я, – опять не получилось. Может, мне точности не хватает? С другой стороны, вряд ли даже самый искусный древний писец мог вычертить контур призыва точнее, чем современный студент. Да еще и с миллиметровкой.

Магический чертеж, лежащий на полу ванной комнаты, мне не ответил. Да у него, впрочем, такой функции и планом-то не предусматривалось. Но выполнен он был хорошо. Качественно. Во всяком случае, в строгом соответствии с канонами, указанным в скачанной из Интернета инструкции. Да и собственной крови я на него не пожалел. Кстати, о крови...

– Закройся, – велел я порезу на указательном пальце и провел по нему ладонью здоровой руки. Немедленно ноющую конечность сковал холод, очень похожий по ощущению

ям на местный наркоз в стоматологической клинике, а алая жидкость, капающая из раны, мгновенно высохла, и ранка превратилась в потрескавшуюся корочку.

Я открыл горячую воду и смыл ее, наслаждаясь ощущениями тепла. Магический побочный эффект от лечащего заклинания – вещь, конечно, полезная, во всяком случае боль снимает хорошо, но все-таки чувствовать его достаточно неприятно.

– Попытка номер сто двадцать девять, – сказал я сам себе, любуясь на абсолютно здоровую, без следа каких-либо повреждений кожу, – закончилась пшиком. Счет сто двадцать шесть с половиной – два с половиной в пользу всякой чуши, которой полно в разнообразных общедоступных источниках. Блин, что же я делаю не так? Или, может, у меня способности узконаправленные, а?

Мне никто не ответил. А жаль. Очень жаль. О магии как таковой вообще и своих силах в частности я бы хотел узнать как можно больше и был готов, если потребуется, за эти знания платить. Вот только кому? Единственный полезный фокус-покус, который после недолгих раздумий получил название «Исцеление царапин», был открыт мною совершенно случайно, и повторного успеха на ниве изучения сверхъестественных способностей пока не случилось.

Началось все около полугода назад. Хотя как сказать «началось»? Первые плоды появились. Я их и не ждал, являясь до одного погожего весеннего денька то ли латентным агно-

стиком, то ли мечтательным материалистом. В тот знаменательный день, когда я непроизвольно сотворил свое первое заклинание, ничто не предвещало столь резкого изменения картины мира. Впрочем, нет – кое-что все-таки случилось. У меня на лице, если быть уж совсем точным, на верхней губе, самым наглым образом вылез фурункул. Или, попросту говоря, прыщ. Здоровый, гаденьш. По внешнему виду даже не верилось, что он появился всего за одну ночь. Незванный гость был немедленно удален, а ранку, к слову сказать, достаточно заметную, я прижег. Щипало знатно, но, к счастью, недолго.

Поскольку я живу в городе, и не маленьком, то добираюсь из одной точки в другую исключительно на общественном транспорте, а значит, у меня регулярно появляется время, которое абсолютно нечем занять. Люди по-разному убивают время в дороге: кто-то слушает музыку, кто-то пялится в окно, некоторые умудряются читать при постоянной тряске. Ну а я делал нехитрые упражнения с внутренней энергетикой, случайно вычитанные на одном интернет-сайте, посвященном то ли эзотерике, то ли оккультизму. Если уж образ жизни у меня неспортивный, так почему бы не заняться дыхательной гимнастикой, на которую разные ловкие типчики в глубокой древности понакрутили множество сакральных смыслов? Тем более тренировки пять дней в неделю получаются на диво регулярными, пропускаю их только по праздникам. Делал я эти упражнения не то чтобы долго – года пол-

тора. С небольшими перерывами. Просто толк от них получался заметный. Раньше стоило мне без остановки взбежать по лестнице на свой этаж, как начинались трудности с дыханием. А спустя какой-то месяц регулярных тренировок эта проблема исчезла. Конечно, ее можно было решить и проще, например с помощью лифта, но этот способ передвижения между этажами, увы, не был запланирован при строительстве старенькой, еще советской многоэтажки. Да и другая физическая работа вроде бы стала даваться немного легче. Так что дыхательные упражнения я не бросал, был стимулирован ими заниматься. К тому же в автобусе или троллейбусе все равно делать нечего.

Почему тогда отменили рабочий день, я уже плохо помню. Была какая-то причина. Так или иначе, все разбежались по домам в девять нуль-нуль. Так вот, на обратном пути, когда от дома меня отделяло всего-навсего две остановки, мне в голову пришла идея, вызванная насущной физиологической необходимостью. Почесать свежееобразованную болячку, которая нещадно саднила. Ну я и потянулся к ней раньше, чем успел сообразить, что это вообще-то весьма негигиенично. Я просто хотел, чтобы неприятные ощущения исчезли. Стоило моей руке дотронуться до больного места, как по губе стремительным потоком разлился холод. Да что там холод? Мороз! Помните, я говорил, что анестезирующее действие моей магии похоже на местный наркоз? Так вот, наркоз действует не сразу, посетители зубных кабинетов это прекрас-

но знают: чтобы разойтись по сосудам, хитрой химии требуется несколько минут. Появившийся холод сковал верхнюю губу моментально. Если бы меня в тот момент о чем-нибудь спросили, то я вряд ли бы сумел внятно ответить. Просто речевой аппарат сработал бы с ошибками. Еще не до конца понимая, что происходит, я провел пальцами по занемевшей губе, попутно дотрагиваясь до корня всех зол. Корочка подсохшей крови отлетела так охотно, словно ей уже было никак не меньше трех-четыре дней. Пальцы же вместо переставшей кровоточить ранки нащупали кожу. Здоровую. Ну абсолютно здоровую, без каких-нибудь бугров и впадин. Холод, возникший непонятно откуда, потихоньку отступал. Уже через тридцать секунд он едва ощущался, а через минуту и вовсе исчез. А вот следов от болячки на лице я так и не обнаружил. В автобусе, понятное дело, не было зеркала, разве что в сумке какой-нибудь пассажирки или боковое, но я сообразил воспользоваться поверхностью дисплея своего мобильного телефона. Темный экран тоже способен отражать солнечные лучи, и довольно сносно, надо сказать. Так вот в отражении, пусть и не слишком хорошего качества, я легко разглядел одну прелюбопытную вещицу. Болячки на лице действительно не было.

Связать два и два, то есть появившееся ощущение холода и пропажу ранки, было делом нескольких секунд. Вообще-то за глаза хватило бы и одной, но я все же был в ступоре от аномальности случившегося. Любой здоровый человек

обладает одной крайне мешающей жить чертой характера. Любопытством. И именно оно не дало мне отмахнуться от происшедшего, а напротив, заставило вцепиться в него руками, ногами, зубами и отсутствующим хвостом.

«Итак, – стал рассуждать я, – что же случилось? Ну, ответ понятен: повреждение моего тела неожиданно помахало ручкой и ушло не попрощавшись. А почему? Вариант первый – фармакологическое вмешательство. Но я же не мазал ранку ничем, кроме тройного одеколона, а он далеко не панацея. А внутрь... внутрь я сегодня принимал только макароны и чай. Могла в них быть какая-то неучтенная добавка? В принципе да... но сомнительно, что трансгенные продукты, даже если они пошли на приготовление моего завтрака, могут иметь такие незадокументированные свойства. Их бы тогда продавали не дешевле, а дороже обычных, причем раз эдак в – дцать. Может, на меня чего-нибудь распылили? Вроде из пульверизатора в лицо не прыскали. Может, в воздух какая-нибудь химия попала? Ага, с самолета, который пролетал в верхних слоях атмосферы, сбросили на город пару тонн быстро растворяющегося в воздухе порошка «заживлин», разработанного строго секретным НИИ имени последнего здорового коммуниста. Бредово звучит. Но факт есть факт, ранка была три минуты назад, а сейчас ее нет. Материальных предпосылок для ее исчезновения вроде бы тоже нет...»

И тут до меня дошло. Ведь в ту секунду, когда я дотро-

нулся до губы, мой организм был занят привычным делом. Дыхательными упражнениями. Хотя все же нет, отнюдь не дыхательными. Упражнениями с внутренней энергией. Долго я пытался сам себя уверить, что это бред, долго ощупывал то место, где еще недавно была болячка, долго... В общем, остановку я проехал.

Искать настоящее зеркало, чтобы еще раз убедиться в реальности произошедшего, не пришлось. Витрина магазина, примостившегося рядом с дорогой, вполне сносно отражала в своей мутноватой поверхности молодого человека, на чьем абсолютно гладком лице крупными буквами было написано: «Не верю».

Поверить пришлось. Когда я снова попытался проанализировать все, что чувствовал в те секунды, холод вернулся. Был он, правда, куда менее жестоким, да и исчез быстрее, но это ничего не меняло. Странная способность оказалась управляема. В тот же день и тот же час я опять сделал невозможное. Поскольку никаких иных болячек кроме злополучного прыща не было, я умышленно причинил вред своему здоровью. Проще говоря, поцарапался, не слишком сильно ударив рукой по стене и содрав кожу с костяшек пальцев. А потом попытался снова почувствовать холод. И он пришел. Пусть не сразу, пусть попытки с пятнадцатой, когда я уже многократно мысленно назвал себя идиотом, но пришел. Онемение руки длилось секунды три, но за это время следы от соприкосновения кулака с препятствием исчезли. Рассо-

сались прямо на глазах. Я внимательно изучил руку. Все в полном порядке, разве что помыть не мешало бы.

«Регенерация? – ошалело подумал я. – Нет, это вроде бы когда само заживает. А у меня, скорее, самоисцеление. Интересно...»

Примерно неделя ушла на то, чтобы научиться вызывать ощущение холода с первой попытки и в любой части тела. Было сложно, я отвлекался на все, что можно и что нельзя, временами на меня косились из-за практически незаметного с лица выражения хмурой сосредоточенности, но, как известно, терпение и труд все перетрут. Итогом странных тренировок стала моя способность удерживать холод в любой точке тела на протяжении тридцати с хвостиком секунд. Дольше не удавалось, хоть ты тресни. Возможно, раны были слишком незначительные, но я оказался все же не настолько любопытен, чтобы рискнуть и нанести себе по-настоящему серьезные повреждения. Заодно незаметно попытался подлечить родителей от возрастных болячек, замаскировав свои действия сквозняком. Кажется, им стало лучше. Во всяком случае, теперь они реже звонили мне и просили купить в аптеке очередной препарат.

– Целитель, – задумчиво пробормотал я, рассматривая кровь на кухонном ноже. Холод, который я призвал как раз перед тем, как проткнуть лезвием ладонь, болевые ощущения блокировал не полностью, и потому сейчас я ощущал некий дискомфорт. Слабый. Примерно как после сильного

укола булавкой. Кровь не текла, а края раны смыкались так, словно у меня вместо кожи был нагретый пластилин.

Следующим пунктом в исследованиях стояло исцеление другого существа от смертельных ран. На рынке мною был куплен прекрасный карп, который, перед тем как продавец, периодически кричавший на весь базар: «Живая рыба! Настоящая живая рыба!», закинул его в мой пакет, успел хлестануть хвостом по любопытному носу волшебника-самоучки, склонившегося над будущим пациентом. Месть моя была ужасной. Я обернул жабры наглой рыбы мокрой тканью и уволок ее домой, где в течение часа боролся за жизнь своего первого подопытного. Хотя карп, определенно, мечтал умереть намного раньше. Но кто же ему даст? Во всяком случае не я. Холод, наполняющий мои пальцы, прирастил на место счищенную ранее чешую, закрыл ножевые разрезы и даже вроде бы заставил остановившееся было сердце снова биться. А может, это было и не сердце. В рыбьих внутренностях я разбираюсь плохо. Но в любом случае, если бы зеленые увидели, как измываются над несчастной рыбой, то открыли бы на меня сезон охоты.

– Кажется, я все-таки целитель, – пробормотал я, рассматривая распотрошенную, позабывшую про воду, но все еще живую рыбку, которая наконец бросила попытки вырваться из импровизированных тисков, в которые я ее зажал, чтобы не мешала, и теперь жадно глотала воздух. Интересно, а что-нибудь еще, кроме как заживлять раны, я умею? Не

умею. Как ни старался, сдвинуть взглядом или взмахом руки обычный лист бумаги у меня не получилось. И загораться он тоже не желал. И замораживаться. А я ведь всерьез рассчитывал, что получится, как-никак были предпосылки. Но – полный ноль. Молнии между ладонями не возникали. Отслужившие свое батарейки, правда, после того как я их мям, снова начинали функционировать какое-то время, но этот способ срabатывает в руках абсолютно любого человека. Управление эмоциями окружающих мне не было доступно. Телепатия тоже. А вот мои взгляды, кажется, обычные люди стали чувствовать намного лучше, чем раньше. Во всяком случае, стоило мне мысленно облизнуться на стройные ножки или высокую грудь какой-нибудь девушки, как она немедленно начинала поправлять одежду. Немного поколебавшись, я счел это скорее отрицательным, чем положительным результатом, потому что просто поглазеть на проходящих мимо красоток теперь толком не получалось. Они чаще всего старались побыстрее от меня удалиться. Иногда бегом. Знакомые тоже отметили, что со мной что-то не то, но точную характеристику дать не смогли. Сказали только, что вид у меня угрюмый. Еще бы он не был угрюмым, когда хочешь колдовать, можешь колдовать, но колдовать почему-то не получается!

Но, так или иначе, полбалла я себе за эту способность добавил. В конце концов, пусть это и не то, чего я хотел достичь, но что-то ведь получилось!

– А чего я расстраиваюсь? – спросил я как-то сам себя. – Целительство – это не так уж и плохо! И для себя любимого пригодится, и зарабатывать можно, как квалификации наберусь. А много мне было бы толка с того же фаербола? Банк с ним наперевес грабить или, может, воду в котельной кипятить? Опять же, если начну прием пациентов, то про конкурентов довольно быстро узнаю, а это значит, с другими волшебниками, поопытнее, познакомлюсь. Может, они подскажут чего. Но до этого еще далеко. Раз грубым натиском магию не взять, будем действовать тоньше.

И я начал действовать тоньше. Пробовал спиритическими методами войти в контакт с духами... Жаль, но они не желали идти на контакт со мной. Пытался наделить предметы необычными свойствами. Если не считать необычным, что некоторые разломал, крутя в руках, то и это не получилось. Вырезал руны, раскладывал карты таро, пытался анимировать трупы насекомых, рыб и кур, даже завязывался в узлы при помощи йоги. Помогло. Правда, опять получилось что-то не то, что планировалось изначально. Когда я, пытаюсь стать маленьким, как атом, резко встал в какую-то хитрую позу, то потерял равновесие и грохнулся на пол. И увидел себя со стороны. В смысле лежит на полу тело. Мое. А я на него смотрю откуда-то сверху, причем сам я стал каким-то полупрозрачным. Ой, и перепугался тогда! Хорошо хоть, спустя несколько секунд метаний и панических воплей, сообразил, что грудь у меня вздымается, а это значит – дышу. В общем,

я как-то умудрился выйти из тела. Когда я это сообразил, то мигом вернулся обратно, машинально заживил расквашенный нос и пошел истреблять запасы валерьянки.

Еще полторы недели ушло на то, чтобы научить себя выходить из тела без неожиданного удара линолеумом по лбу. Трюк оказался жутко интересным, но абсолютно бесперспективным. Далеко уйти от моей брэнной оболочки я так и не сумел: с каждым шагом сопротивление окружающей среды возрастало. Сквозь стены я, правда, в таком состоянии проходил легко... Но много ли в этом толку, если даже из квартиры выйти не получается? В общем, круг радиусом шесть метров от лежащего в трансе тела стал для меня пределом. Воздействовать из такого состояния на материальный мир у меня не получалось, предметы все так же не желали двигаться, а люди мои потуги привлечь их внимание игнорировали. Зато, кажется, животные меня видели. Во всяком случае, кошки – точно. Представители мурлыкающего племени, как домашние, так и бродячие, заинтересованно таранились в мою сторону всякий раз, как я выходил из тела.

На этом перечень оккультных успехов пока обрывался; метания по различным источникам, описывающим магию, дальнейших результатов не приносили. Никакие представители ночного дозора и других подобных организаций ко мне не приходили, а за попытку на паре форумов высказаться, что, мол, вот он я, маг и кудесник, я подвергся жестокому осмеянию.

Последние три ночи я работал с той областью знаний, которую первоначально счел чересчур опасной для профана, но за неимением в текущий момент времени альтернативы решил рискнуть. С демонологией. В ванной комнате, где не было окон, я расстилал на кафеле заранее приготовленный чертеж, расставлял свечи и читал заклинания. Воскуривать разные благовония, как рекомендовалось, я поостерегся. А то некоторые составчики хоть и не входят в список наркосодержащих препаратов, но с успехом могут их заменить. Гадай потом, какой демон вызван пентаграммой, какой собственным воображением. Приготовлены были и средства самообороны, на случай если на мои действия все же откликнется какое-нибудь не очень дружелюбно настроенное существо: святая вода из ближайшей церкви, осиновая заостренная палка, бензин в поллитровой бутылке с замотанным тряпкой горлышком, немного кислоты, слитой из старого аккумулятора в такую же емкость, несколько остро заточенных серебряных ножей, очень яркая вспышка из магазина розыгрышей и топор, причем не какой-нибудь плотницкий, а настоящий, мясницкий, лезвие которого годилось специально для разрубания плоти. Ружья, к сожалению, не было, но, с другой стороны, если ничего из вышеперечисленного на гостя из другого плана бытия не подействует, то чем поможет пуля?

– Кажется, я перестраховался, – со вздохом сказал я, пряча ножи в футляр для хранения столового серебра. – Выхо-

дит, и правда наука демонология не для чайников придумана. Или, может, поздно уже – все силы зла спят давно.

И тут в зеркале, висевшем на стене перед моим лицом, что-то отразилось. Ну как, «что-то»? Вереница искорок, вытягивающихся из точки в высокое, не меньше двух метров, веретено, которое медленно и величественно возникло на месте пентаграммы.

– Замедленное срабатывание, – ошалело пробормотал я, хватая на всякий случай осиновый дрын. – То ли об этом в гримуаре упомянуть забыли, то ли я и правда кого-то разбудил. Надеюсь, эта тварь не со времен Древнего Египта дрыхла, а то ведь наверняка проголодалась.

Искорки, которых с каждым мигом становилось все больше, вдруг разом погасли, а на месте светящегося веретена оказался человек. Обычный такой, без рогов, хвоста и крыльев. Хотя, если вспомнить, кого я призывал, то, скорее, он должен был обладать головой какой-нибудь твари, вероятнее всего шакала или собаки. Но нет, передо мной стоял довольно крепкого телосложения мужчина лет так сорока-пятидесяти с короткой прической. Даже глаза у него не светились. Зрачок, правда, в колеблющемся пламени свечей я рассмотреть не мог, но был уверен, что он круглый. Внешность у него была... Ну, не русская, точно. Волосы, в которых проглядывала седина, были черными, нос горбатым. Кепку бы ему и усы, так вообще вылитый торговец с рынка получится.

– Акрэссе... – затянул я подчиняющую молитву, не вы-

пускающая, однако, оружия.

Человек повел в мою сторону рукой, и плитка пола одним движением бросилась мне в лицо.

В себя я пришел так же резко, как и вырубился. Ужасно болел нос, кажется, я его сломал. Лежу в позе морской звезды на чем-то твердом и холодном, предположительно – на полу. Шевелиться не получается, руки и ноги надежно зафиксированы. Чем – не видно: голову не повернуть, ее тоже что-то держит. И неудобно так как-то держит, кадыком в зенит. Слышится чей-то тихий плач. Женский.

Первым делом я попытался убрать мешающую думать боль, призвав холод. Не вышло. И снова не вышло. И опять не вышло.

– Бесполезно, – сказал мужской голос в паре метров сзади от меня. – Магию использовать не получится. Старый урод, что приковал тебя, поработал надежно. Ты, кстати, кто?

– Роман, – представился я. – А ты?

– Вася. Но я не про имя. Ты по классу кто?

– В смысле? Школу я уже давно закончил.

– Ты что, в РПГ не играл ни разу? Я вот, например, паладин. Или что-то вроде. Во всяком случае, отстаивать свою правоту я предпочитаю кулаками и молитвами. Вот только в этом месте они почему-то не действуют.

– А... – протянул я, по-прежнему ничего не понимая. – Целитель. Вроде как.

– Понятно... А у тебя знакомые волшебники есть? Ну или хоть кто-то, кто может помочь? Инквизиторы, маги, вампиры, оборотни, да хоть Баба-яга в ступе?

Я от услышанного впал в ступор. Нет, в то, что все выше-названные существа имеют место быть не только в легендах, я верю процентов эдак на девяносто. Благо есть причина. Но в то, что у меня среди них могут быть знакомые... Хотя, черт его знает, может, и есть, я же не орал направо и налево о своих способностях. Интернет-форумы не в счет, там, если покопаться, владык бездны на сайт как минимум трое найдется да еще плюс демиургов парочка.

– Значит, нету, – правильно истолковал мое молчание Вася. – Жаль.

– А тебе зачем? – спросил я.

– Да знаешь, как-то не очень хочется помирать на алтаре, – признался мне паладин, – но, похоже, придется.

– А мы на алтаре лежим? – удивился я, заподозрив, что самое худшее еще впереди.

– Нет, мы вокруг, – заверил меня Вася. – На самом алтаре, думаю, будет лежать этот хренов некромант. А ты вообще как к нему попал?

– Не знаю, – сознался я. – Я проводил ритуал, пытался разобраться со своими способностями, и тут какой-то полупенсионер грузинской наружности появился прямо у меня за спиной. А потом все. Финиш. И нос очень болит.

– А я по глупости попался, – пожаловался на судьбу па-

ладин. – Почуял я, что из одного дома смертью и болью тянет так, словно это не маленький особнячок, а громадный концлагерь. Ну и пошел разбираться, что да как. Кастет и травматик взял, косуху с противоударной прокладкой надел, силу Господа призвал и через забор перелез. А дальше меня во всем моем прикиде как шибанет током! Очнулся я уже здесь, когда этот чернокнижник остальных крепил.

– Остальных? – удивился я. – Так нас здесь много?

– Много, – раздался третий голос, женский, но не тот, что плакал.

– О, нашего полку прибыло, – обрадовался паладин. – А ты кто, о прекрасная незнакомка?

– Лена, – представилась неизвестная. – Гот. И предупреждаю сразу, никого позвать на помощь без телефона не могу, хотя очень хотела бы. Меня поймали, когда я по кладбищу гуляла. Кто ловил, не помню, но я тогда не одна была, а с компанией человек в десять, так что просто так оглушить меня было бы затруднительно.

– А может, ты все-таки не гот, а некромант? – улыбнулся я. – Как я посмотрю, в этом зале неустановленное лицо грузинской наружности собирает исключительно волшебников и им подобную публику.

– Не, я немножко оборотень, – возразила девушка. – А тот тип, что нас тут собрал, никакой он не грузин, а итальянец.

– Откуда знаешь? – удивился паладин. – И как можно быть немножко оборотнем?

– Превращаться целиком я не умею, а вот маникюр иногда у меня отрастает такой, что камни царапает, да и прикус по полнолуниям ощутимо меняется. Хорошо хоть шерсти по телу нет. Ну еще намерения животных хорошо понимаю, – поделилась своей тайной невидимая собеседница. – А что это итальянец, я уверена, в Европу с родителями как-то ездила. Так что сицилийца от выходца с Кавказа отличу.

Плач усилился. Та, которая его издавала, кажется, была где-то слева, но точно не поручусь. Звуки, разносящиеся в гулком помещении, были странными. Как бы и членораздельными, но как бы и не очень.

– Вась, – окликнул я паладина, – а кто это плачет?

– Ведьма это, – откликнулся парень, – она в сознание еще раньше меня пришла и чернокнижника проклясть пыталась.

– Ну и?

– Ну он ей язык и обрезал.

– Как «обрезал»? – воскликнула Лена.

– Чик, и все, – мрачно сказал паладин.

– А ты откуда знаешь? – удивился я. – Ты можешь головой вертеть?

– Могу, – подтвердил паладин. – Меня иначе, чем вас, заковали, я не лежу, а сижу.

– Освободиться сможешь? – быстро спросила готка.

– Уже нет, – ответил нам новый голос, принадлежавший, судя по неизвестному мне акценту, человеку, чья родина была где-то далеко. Например, на знаменитом полуострове в

виде сапожка.

Вслед за этим раздался сдавленный хрип, какое-то бульканье и подозрительное журчание.

– Прощай, целитель, – севшим голосом произнес Василий, – ты у него следующий.

– В каком смыс... – попытался переспросить я, и тут мне в горло вонзился нож.

Боль была адская. Я вообще боли боюсь. Способность соображать улетучилась с первыми струйками драгоценной крови, стремительно утекавшей через громадный разрез. Меркнувшим сознанием я кое-как осознал, что это все. Конец. И последней моей связной мыслью стало обиженное детское: «Не хочу!»

Я воспарил над истекающим кровью телом почти так же, как во время своих оккультных экспериментов, но в этот раз я не завис в воздухе, а начал медленно, но неуклонно, будто сдвигаемый невидимым прессом, продвигаться в сторону непонятого возвышения, бывшего, по всей видимости, тем самым алтарем, о котором говорил паладин Вася. Тут же мимо меня пронесся полупрозрачный силуэт, беспорядочно размахивающий руками, и провалился куда-то внутрь алтаря.

Я отчаянно пытался перебороть свое продвижение вперед, понимая, что ничем хорошим это не кончится, и, кажется, что-то даже получилось. Следующий полупрозрачный, как и я, силуэт всосался в непонятный предмет, похожий

на чайное блюдечко, лежащее на алтаре. Еще один. И еще. Оглянувшись посмотреть, что происходит, я так растерялся, что расстояние, отделяющее меня от возвышения, сократилось на треть. Мы находились в пещере, несомненно, природной, но носившей следы деятельности человека. Тот свет, что я видел, давало несколько лампочек Ильича, которые вместе с толстыми нитками проводов свисали с потолка. Я рассмотрел людей. Десятки человек в разных позах вокруг каменного алтаря. Почти все без сознания, и только парочка отчаянно дергалась, крутила головами и пыталась мычать сквозь кляпы. Между ними ходил тот самый человек, который явился после проведенного мной ритуала и деловито перерезал глотки пленникам. Я вместе с еще полудюжиной беделог, которые уже не дергались, оказался ближе к возвышению и, видимо, поэтому был зарезан в числе первых. Труп рядом замер не в лежачем, а в сидячем положении, примотанный тонкими цепочками к большому бетонному блоку. Вероятно, это и был Василий.

Хнычущая ведьма, девчонка лет пятнадцати, оказалась примерно в середине своеобразного строя. Боюсь, к тому моменту, когда этот чертов колдун до нее доберется, она свихнется от ужаса.

Несмотря на мои отчаянные дергания, алтарь с лежащим на нем медальоном, а что это было не блюдце, а большой медальон, я успел рассмотреть, неотвратно приближался. Новые силуэты обгоняли меня и исчезали внутри. Конвейер

смерти работал бесперебойно, до тех пор пока в него неожиданно не попали одновременно две души. Их втягивание как-то не заладилось. Они замерцали, стали буквально разрываться на части и таять. Прозрачные лица исказились гримасами боли, но из перекошенных ртов не донеслось ни звука.

«Блин, меня же вместе с ними перемелет, – сообразил я, из последних сил цепляясь за воздух уже в считанных сантиметрах от каменного возвышения. – Надо что-то делать. Но что?!»

И тут в медальон врезалась третья душа. Первые две провалились внутрь колдовского амулета рывком почти по плечу.

«Вот оно, – понял я, – надо попробовать пропихнуться внутрь этой фигни, как пробка в бутылку. Хуже сделать себе уже вряд ли можно, но хоть плюну в кашу этому старому хрену напоследок».

И я, перестав упираться, рванул вперед, врезавшись всей своей волей в исчезающие в поверхности амулета макушки силуэтов и одновременно отталкиваясь от почти протолкнувшей их внутрь фигуры. Меня как будто со всех сторон скребанули теркой, обдали кипятком и жгучим холодом одновременно. Хуже всего было ногам: их буквально разрывало на части. Но всасывающая граница амулета уже была пройдена, и я оказался внутри. Под призрачными ногами виднелись контуры чего-то размером со стадион,

скрывающиеся в слабо переливающимся фиолетовом тумане. Навстречу моему порядком ошарашенному злоключениями духу из глубины бросилось что-то среднее между червем и кальмаром. Во всяком случае, оно было длинное, вытянутое и с щупальцами.

Не желая попасть в загребущие хваталки этой неведомой угрозы, я рванулся обратно, но был сбит пролезшей в амулет очередной душой. А затем я поступил, честно говоря, по-свински. Схватил свалившегося на меня бедолагу, который почему-то перестал шевелиться, за ногу и заслонился им. Его тотчас же обвинили белесые щупальца. Не знаю почему, но к этой твари я почувствовал вдруг такое омерзение, что ментально выпустил свой живой щит. В фиолетовом тумане я успел рассмотреть еще десяток или два таких существ. Не оставалось никаких сомнений в том, что стоит мне остаться на виду, как они тут же заинтересуются этакой аномалией. Висящий рядом силуэт человека старательно оплетался конечностями кальмароподобной твари. Свободными оставались только кисти и ступни. Меня, судя по всему, не заметили, во всяком случае, ловить не пытались. Глаз на плоской морде твари, снабженной венчиком тонких усов, точно не было. Как она ориентировалась в пространстве, оставалось загадкой. Может, по запаху? Тем временем существо закончило оплетать душу щупальцами и, постепенно набирая ход, куда-то ее потащило. Ну и меня вместе с ней, так как я вцепился мертвой хваткой в ногу силуэта. К счастью, на воблер

имени меня ни одна из здешних обитательниц не клюнула.

Мой «буксир» остановился и, резко изогнувшись, зашвырнул транспортируемую душу в нечто напоминавшее клетку из чистейшего света, перевитую полосами антрацитово-черной тьмы. Я же приземлился на «крышу» этого сооружения и зашипел от боли. Она обжигала, как раскаленное железо! Быстро скатившись с этой странной конструкции, я замер, приготовившись драться с непонятным червяком-переростком, но этого не потребовалось. Тварь уже развернулась и унеслась вдаль. А меня оставила. Не заметила. Кажется, я оказался прав: ориентируется это существо только благодаря осязанию.

Оглядевшись, я пораженно присвистнул. Вокруг было огромное сферическое пространство, заполненное такими же клетками, как та, на которой я чуть не изжарился, только пустыми. Их было много. Очень много. Гораздо больше, чем людей в пещере, где я... умер. Ладно, посмотрим правде в глаза. Я – мертвец, или, если быть точным, душа, чье тело уже начало остывать. С другой стороны, я мыслю, а значит, существую... Да, я точно существую.

Еще одна червеподобная тварь, а может, даже та же самая метнулась вверх, сжимая в щупальцах очередную душу. Я замер, боясь пошевелиться, но существу, похоже, не было до меня никакого дела. Она забросила свою ношу в пустующее переплетение линий света и тьмы и снова унеслась к крутящимся в безумном хороводе собратьям.

Так повторилось еще три или четыре раза. Потом вдруг все пространство вокруг залил пылающий свет. Твари оказались не немые. Они вопили так, словно их резали. Хотя их жгли. И я вопил вместе с ними. Боль, по сравнению с которой перерезанное горло и мясорубка на входе в амулет казались детскими игрушками, охватила все мое тело. Я кричал, и кричал, и кричал, сжигаемый пламенем. Единственным местом, в котором, как мне показалось, не было безжалостного света, были клетки. На одних инстинктах, ощущая, как сгораю заживо, я рванул туда, и... боль кончилась. Ушла. А проем в клетку исчез, заперев меня внутри вместе с неподвижной полупрозрачной фигурой. Стремительно рассыпающиеся на куски твари таяли прямо на глазах, а в центре сферы образовывалось кое-что новое. Похожее на... платформу.

К моей ноге что-то прикоснулось. Я от неожиданности дернулся вверх и врезался полупрозрачной макушкой в потолок. Не то чтобы больно... будто о подушки стукнулся. Вроде и мягко, а наверх не пускает. Бросив взгляд под ноги, я от души выругался. Пол клетки, ранее казавшийся переплетением лучей света и тьмы, стремительно видоизменялся: становился монолитным и зеленел, оплетая замершую в неподвижности душу чем-то вроде выюна, один из усиков которого беспокойно шевелился в том месте, где мгновением раньше была моя нога. Решив, видно, что ему показалось, «растение» вернулось к имеющейся в наличии цели, опутав

ее паутиной старательнее, чем паук опутывает муху. Силуэт моего сокамерника оказался полностью погребен под слоями жуткой растительности, и тут по ним пробежала короткая дрожь, и буйство зелени стремительно увяло, на глазах потускнев и осыпавшись. Теперь в клетке остался не полупрозрачный силуэт, а статуя человека, опутанного то ли обрывками изменившегося плюща, то ли какими-то толстыми нитями.

Лишь одна из веточек вроде была жива. Она поменяла цвет на кроваво-красный и протянулась куда-то за пределы клетки, пройдя в щель между «прутьями». Да и на веточку она больше не походила, скорее, на провод. Я, зависнув под потолком, ждал других гадостей, но их не было. Только нить, отходящая от статуи, вдруг загудела, как кабель высокого напряжения. Проследив взглядом, я увидел, что она переплетается с такими же и тянется к завершившей свое формирование платформе. От каждой клетки отделялись похожие отростки кроваво-красного цвета и сходились в центре странного места.

Получившаяся конструкция все больше и больше напоминала беседку. Нечто вроде креслица начало медленно вырастать в ней из пола. И я, кажется, понял, для кого оно предназначено. Для колдуна. Того самого, который меня, да и всех остальных убил!

Первой мыслью было попробовать подлететь к этой фигуре поближе и свернуть уроду шею, как только он появится.

Второй – что мы с ним в разных весовых категориях. Порядка на два-три. Третьей – что надо прятаться.

Резонно рассудив, что, кроме моего безмолвного собрата по несчастью, здесь ничего нет, я решил еще раз призвать удачу и скользнул за спину уже второй раз выручающей меня души. Авось она заслонит меня снова. Авось прутья помещают разглядеть, что за ними прячусь я. Во всяком случае, мне через них ну очень плохо видно. Авось колдун в мою сторону и не посмотрит, ну хоть какое-то время! А потом... потом будет потом!

Беседка завершила свое формирование, и тотчас же из сгустившегося в кресле тумана вперед шагнул человек.

– Да! – Его крик разнесся по всей сфере. – Я сделал это! Темница душ теперь моя!

Тотчас же часть красных нитей, из которых и состояла беседка, упала вниз, одев человека в нечто вроде лат конквистадоров, соединенных с породившей их основой пуповинами. Картинка получилась хоть и жутковатая, но забавная. Этаким Дон-Кихот, родившийся сразу в доспехах.

– А вы молчать, каналы! – обращался он неизвестно кому, но быстро разошедшиеся по соединяющим клетки и платформу побегам сполохи синего огня раз за разом атаковали статуи. – Молчать... когда... говорит... хозяин!

Сцена чем-то напоминала картину избиения персидским царем Ксерксом моря, утопившего монарший флот. Вот только вместо слегка спятившего полководца и большого

объема воды здесь был окончательно рехнувшийся колдун и десятки статуй. Хотя... может, это действие не так и бессмысленно? Судя по долетающим до моих ушей проклятиям и богохульствам, щедро расточаемым итальянцем, он сейчас ведет нешуточный бой с невидимыми противниками... а может, и с видимыми. Со статуями. Точнее, с теми, кто в них заключен. С людскими душами. Мало-помалу накал непонятого противостояния угас. Синий огонь атаковал статуи все реже и реже, однако он представлял собой уже не маленькие огоньки, а настоящие огненные мячики.

– Неудачно я выбрал тип конструкции, – раздался голос колдуна, – пожалуй, последовательное соединение все-таки лучше.

И клетки, как цирковые львы по указке дрессировщика, пустились в пляс, не оборвав тем не менее связывавших их с беседкой красных жгутов. Новый порядок, в котором они застыли, был строго геометрическим. Почти вплитык к платформе встали четыре клетки, в каждую из которых упирались жгуты от еще четырех, в свою очередь тоже соединенных с четырьмя... В общем, получилась цепочка. К несчастью, мое убежище попало в число особо приближенных к колдуну и находилось теперь во втором ряду. Однако убийца не заметил, что одна из его жертв находится не совсем в том состоянии, в котором должна была бы находиться.

– Так-то лучше, – хмыкнул он. – Теперь даю вам время привыкнуть друг к другу, но запомните: за бунт накажу всю

четверку и вполсилы всех ее соседей!

И исчез. Просто растворился в фиолетовом тумане, заменявшем здесь воздух. А я остался в клетке осознавать свои грустные перспективы. Нет, сначала я пробовал бороться... Попытка просочиться сквозь прутья, ковырял полупрозрачными руками статую своего сокамерника, даже кроваво-красный побег пробовал отломать! Безрезультатно. Что бы я ни делал, результат – ноль. А потом я впал в какое-то мучительное оцепенение, словно заснул с открытыми глазами. Не мог пошевелиться, не мог перевести взгляд, не мог даже толком думать. Так, ворочалось в сознании понимание, что что-то со мной не то... К тому же и свет померк... до черноты.

Очнулся от того, что к моим губам прикоснулось что-то невероятно вкусное. Рефлекторным движением я заглотил этот дар судьбы и тут же осознал, что снова вижу, способен связно мыслить, двигаться и даже слышать звуки. Громкие такие звуки. Брань.

– Жалкий червь, узри же мою новую силу! – Знакомый ненавистный голос было прекрасно слышно. Может быть, потому, что ничто больше звуков не издавало. Вообще. Никаких. – Как тебе это, Джузеппе?! А?! А это тебе за то, что едва не подвел меня под гильотину! Не нравится? Ну ничего, утешься тем, что это только начало!

Колдун, снова напоминающий марионетку-рыцаря на веревочках в руках умелого кукольника, производил непонят-

ные манипуляции. Он, судя по возгласам, с кем-то дрался. Опа! Что-то вроде шлема, находящегося на его голове, треснуло и рассыпалось под невидимым ударом красными хлопьями, разлетевшимися по гигантской сфере. Впрочем, это была явно не первая партия подобного мусора. Казавшееся громадным пространство было наполнено хаотически перемещающимися ошметками. Вон даже ко мне в клетку парочка залетела. Интересно, из чего они состоят? Я дотронулся до одного непонятного объекта, и он мгновенно впитался в мою руку, а на губах тотчас появилось знакомое вкусовое ощущение. Ого! Моя конечность стала заметно менее прозрачной. Какой эффект! Может, другой оставшийся объект тоже на что-то путное сгодится? Хотя... Нет, повременю. А то стану слишком плотным, и колдун меня заметит. Как он там, кстати?

Мой взгляд снова вернулся к сцене получения колдуном невидимого, но от этого не менее ощутимого удара. На этот раз в клочья разлетелся правый наруч. Правда, с потолка беседки мгновенно упала замена, самостоятельно занявшая место поврежденного. Раздавшийся вопль зазвучал в моих ушах сладкой музыкой. Это что же получается? Кто-то избивает в реальном мире эту сволочь, а красные нити, которые он тянет из своих жертв, обеспечивают ему преимущество в бою? Надо думать... Не зря же он перебил такую провру народа... Надеюсь, неведомый Джузеппе укокошит этого урода, и пусть я после снова окунусь в забытье, похожее

на смерть, но это того стоит!

Накаркал! В смысле сглазил. Старикан явно выигрывает. Дергаться и махать руками, как мастер школы пьяного боя, перестал, стоит смиренно и речь победную толкает:

– Джузеппе, мой старый друг, что же ты молчишь, а? Ах да, понимаю, понимаю, сожженным горлом тяжело говорить. Странно, что ты вообще еще жив, отрыжка плебея. Признаться, я считал тебя куда менее опасным соперником... Да, хорошо, что прежде, чем уладить небольшие разногласия между нами, я спрятал козырь в своем рукаве. Пытаешься незаметно для меня исцелиться? Да ради бога, просто умрешь здоровым, так будет даже лучше. Думаю, твоя душа слишком хороша для преисподней, куда ей следовало бы попасть после смерти тела. Да и потом, какой смысл отправлять тебя в ад, где твоих торговых партнеров и должников наберется не одна сотня? Эй, слышишь меня, ублюдок, смерть уже идет за тобой! Чего ты там спишь? Кого ты зовешь? Гм... рехнулся, что ли, или просто не можешь достойно умереть? Станет ради тебя один из младших архидемоно... а-а... А-А-А-А!

Если до этого отчаянного вопля подыхающего в муках животного фигуру в латах с заключенными в клетках статуями соединяли словно бы красные нити, то после они разом превратились в канаты, а защита самого колдуна видоизменилась и стала похожа на облако, от которого во все стороны разлетались красные хлопья... Минуточку! Так ведь его

убивают!

И тут колдуна разорвало. Просто приподняло немного вверх и рвануло в разные стороны. Ноги, руки, лихорадочно пытающиеся ухватиться за уже оторванную голову, сама голова, туловище – все разлетелось по беседке, фонтанируя уже прямо-таки потоками алых хлопьев, которые очень быстро поблекли и пропали. А спустя несколько секунд там, где прежде стоял колдун, появилось... нечто. Нечто страшное.

Сперва я принял появившуюся фигуру за панка с растрепанным и отливающим багровым светом ирокезом. Вот только почему-то от этого панка хотелось оказаться как можно дальше. Лучше на другой планете. Спустя несколько секунд мое перепуганное сознание сообразило, что детали, которые я первоначально принял за торчащие в разные стороны волосы, – это рога. Не особо длинные, почти не ветвистые, но на вид очень острые и опасные. А уж прикоснуться к ним... Да при одной мысли об этом меня обуял прямо-таки панический ужас.

– Хе! Забавную штучку соорудил этот смертный. – Если бы я уже не был мертв, от этого голоса точно бы заполучил инфаркт. Помнится, видел я прибор, отпугивающий крыс ультразвуком... Какое негуманное изобретение! Если несчастные грызуны пугались так же сильно, как я, или даже вполовину меньше, хорошая доза мышьяка оказалась бы предпочтительнее!

Тем временем демон, а в том, что это был именно он, не осталось никаких сомнений, начал... вытягивать из статуй их полупрозрачных обитателей! Сразу полтора десятка душ были вырваны красными канатами из разваливающихся на глазах убежищ и, стремглав преодолев отделяющее их от твари расстояние, нанизаны на рога. Вопли раскатились по сферическому пространству, но тотчас смолкли. Полупрозрачные силуэты оказались втянуты в чудовищные отростки. Возможно, мне это только показалось, но багровый свет от них стал немного ярче.

– Пожалуй, хватит, – решил демон, – не буду ломать такую ценную вещь, лучше продам.

И исчез.

Я снова оказался предоставлен самому себе и безжалостному течению времени. Испытанные эмоции мало-помалу стали забываться, появилось чувство апатии. Ну уж нет, я буду бороться сколько смогу! Второй красный лоскуток неведомо чего распался, поглощенный моим телом. Понаблюдав за процессом, я обнаружил, что он как бы разделяется на множество разноцветных нитей, которые добавляют мне материальности. И этими нитями в определенной степени можно управлять. Я мог заставить их скопиться в определенном участке тела или, наоборот, расползтись в разные стороны. Даже если они покидали мое тело, то сохраняли с ним связь, и я их чувствовал и даже в какой-то мере мог слегка ими шевелить. В фиолетовом тумане от меня тянулась тонкая полу-

прозрачная красная ниточка, напоминающая леску... Леску? Эврика!

Просунуть между прутьями клетки такое импровизированное орудие оказалось легко, а вот поймать им кружащие тут и там красные хлопья – занятие для очень и очень терпеливой личности. Или для той, у которой нет другого выхода. Зато с каждым поглощенным кусочком этой странной материи я чувствовал себя все лучше и лучше, а длина нити, которую я закидывал в поисках добычи, неуклонно увеличивалась. Более того, мне удалось создать еще одну нить. Третью. Четвер... На четвертой я застопорился. Нет, создать-то я ее создал, но упустил первую. Дальнейшие попытки положительных результатов не принесли. Больше трех нитей я не мог контролировать. Ну и не надо! Мои ловчие снасти протянулись уже почти на одну десятую часть всего того огромного пространства, в которое я был заключен. Сбор ресурсов значительно замедлился, так как все доступные хлопья в зоне досягаемости я уже поймал, а остальные хоть и перемещались на первый взгляд абсолютно бессистемно, но в сектор, где до них можно было бы дотянуться, не заходили.

Остановив сбор добычи и втянув нити обратно, я осмотрел себя и пораженно присвистнул. Мало того что я больше не был полупрозрачным, я светился от переполнявшей меня энергии! Настроение было отличное, хандрить не хотелось совершенно, и даже воспоминания о колдуне и демоне не казались уже такими страшными! Сам себе я казался очень

умным, ловким и хитрым... В общем, было полная картина того, что пьян. Несильно, но заметно. Правда, что-то подсказывало мне, что собранной энергии хватит если и надолго, но не навсегда. Вернее, что я медленно, но неуклонно ее расходую и если не хочу вернуться к прежнему полупрозрачному состоянию, а за ним и к беспомощности, то надо что-то делать.

Сначала внимательно осмотрел статую рядом и канат, связывающий ее с беседкой. Канат на мои потуги сделать с ним хоть что-то реагировал с пугающей стойкостью. Не поддавался ни в какую: от него не то что кусочка, крошки не удалось отщипнуть! С материалом статуи была та же история. Волей-неволей пришлось взяться за клетку. Новая попытка разогнуть прутья, не обращая внимания на появившуюся боль, ставшую, к слову, куда более терпимой, чем раньше, дала результат. Теперь чувствовалось, что преграда преодолима. В принципе. Похожие ощущения обычно возникают, если упираешься лбом в кирпичную стену. Теоретически ты можешь ее сдвинуть. Будь она в разобранном виде, ты бы ее перетаскал на новое место за два-три часа. Но вот прямо сейчас и голыми руками сделать ничего не получится. Хотя...

Вновь выпущенные нити схватились за ближайший кусок разломанной демоном клетки и рефлекторно отдернулись, получив ожог. Но я смог пересилить себя и, ежесекундно меняя рабочие конечности, подтянуть этот кусочек к своей темнице. А дальше в ход пошла национальная особенность. Русский человек, если дать ему много времени, может сло-

мать, раздолбать и растащить все, что угодно. Время у меня было. И ломик...

Удар по кроваво-красному побегу, и на пол упала она, добыча! Лоскут, столь прекрасно мной усваиваемый, отделился от своего источника, на несколько секунд повисившего интенсивность гудения, а затем был мной подхвачен и впитан. Вот только на полосе света, которая жглась болью, остался след, напоминающий зарубку. Думаю, десяток-другой таких ударов, и мое импровизированное орудие разломается. Хотя небольшой запасец у меня еще есть... но именно небольшой. В основном куски распавшихся клеток либо слишком велики, либо слишком малы, чтобы служить для пользы дела. Что ж, значит, придется избрать другую цель. Статуя или клетка? Конечно, клетка!

Удар. Еще один. Еще. Руки жжет. Делаю короткий перекур. Результаты работы пока малозаметны, но они есть. А это значит, что продолбить путь наружу – дело времени.

Глава 2

Запас энергии медленно, но верно подходил к концу. Я облазил все громадное пространство сферы, в которую оказался заключен, но безрезультатно. Ни одного алого лоскутка не нашел. Разломанные демоном клетки, благодаря которым я смог отломить пару таких вкусных кусочков, давно кончились, и больше добывать себе пропитание было нечем. Разум медленного угасал, но я уже не чувствовал страха... Давно уже вообще ничего не чувствовал, что само по себе было недобрый признаком. Я завис над креслом посреди беседки и бессильно застонал. Столько энергии, так необходимой мне, и я не могу до нее дотянуться. Беседка буквально пульсировала в фиолетовом тумане от накопленных в ней запасов, но, увы, я не мог отщипнуть ни кусочка. То, что приспособлено для нужд живого, не годилось для призрака. Отчаяние, которое овладело мной, понял бы разве что человек, умирающий от жажды, находясь в пруду.

Эх, если бы я только знал! Тогда, когда я выбрался на свободу, я так бездумно тратил энергию! Ее было так много! Каждая красная нить, тянущаяся от пленника в клетке, оказалась чем-то вроде трубопровода, оканчивающегося в небольшом резервуаре за креслом, которое я называл тронem. И в нем после колдуна оставалось столько энергии, что, казалось, ее хватит навечно! Запасы в этом своеобразном резер-

вуаре хранились в переходной полужидкой форме, я мог их усваивать, хуже, правда, чем хлопья, но мог. А еще у энергии была твердая форма. Именно она, судя по всему, и послужила материалом для формирования пола, стен и потолка беседки. Ну и «трубопроводов», естественно. И вот эта самая твердая форма моих усилий не замечала. Она была пригодна для питания примерно в той же мере, что и глина. Затвердевшая. Да, резервуар был велик, и в нем энергии было не просто много, а очень много. Но она кончилась. Были, правда, еще остатки, задержавшиеся в «трубопроводах». И все их я выскреб из сосудов, сообщающихся с беседкой, до самых клеток, где мои ловчие снасти как обрезало невидимым ножом. Каждую из ста сорока двух труб, а именно столько пленников осталось здесь после визита демона, я не обделил своим вниманием.

На что я тратил энергию, глупый болван, на какую чушь! Я старался изменить свой облик, чтобы он стал более приспособлен для битвы с тем, кто придет сюда. А в том, что амулет с заточенными в нем душами скоро обретет хозяина, я не сомневался... Ну и что с того, что я теперь выгляжу не просто призраком, а призраком в доспехах? Пока еще в доспехах... Оружие, которое было создано, я уже развоплотил, чтобы хоть ненадолго продлить свое существование. Как я был глуп, как глуп! Я создавал из энергии разные инструменты, чтобы попытаться сокрушить чужие клетки или освободить пленников... Две разрушил, а толку? Как стояли

статуями, так и стоят. Я пытался пробить поверхность сферы, представляющую из себя все тот же клятый туман, только сгустившийся до плотности, когда в нем уже нельзя передвигаться. Единственным эффектом, которого я достиг своими метаниями, стало то, что запасы, казавшиеся неистощимыми, подошли к концу гораздо быстрее, чем могли бы.

Мысли становились все более тягучими, и ситуация, в которую я попал, перестала быть поводом для беспокойства, поле зрения сузилось до одного-единственного места – трона, на котором мог возникнуть новый хозяин амулета.

Неожиданно туман над креслом сгустился, образовав человеческую фигуру. Красные канаты спустились с потолка беседки, окутали формирующийся силуэт и стали накачивать его своим содержимым, хранящимся, видно, в такой форме про запас. Возможно, в резервуар тоже начала поступать энергия из клеток, но проверить это было некому. Я напал на человека раньше, чем успел сообразить, почему это сделал. Да! Я вспомнил, почему я напал на него: из раненого колдуна тоже вылетала она! Такая желанная пища! Амулет старательно наполнял человека энергией, тот усваивал ее, а я вырывал ее из него, не обращая внимания на суматошные попытки защититься! Но возможности магического предмета превышали мои во много раз, противник отбросил меня, уже начав светиться от переполняющей его силы. Взыв от отчаяния, я рванулся вперед, впечатываясь в его силуэт всей своей волей. Человек растерялся и не смог мне ничего про-

тивопоставить. Он как-то странно покачнулся, и я... оказался одновременно и внутри сферы, и в реальности! Хорошо освещенное помещение, огромные окна с цветными витражами, какие-то желтые статуи и... знакомый медальон на подушечке в моих руках. Большой палец левой руки слегка касался его ободка.

– Нрыва, чего ты застыл? Отнеси эту вещь в покои для занятий тайным, – велел мне откуда-то сбоку голос телохранителя, и я, согнувшись в церемониальном поклоне, попятился задом до тех пор, пока не оказался в коридоре, миновав верную стражу мессира. Ну ни фига себе молодчики! Такое чувство, что их папой был йети, а мамой чемпионка мира по сумо... И речь какая-то странная. Что это за щебетание вместо языка? Ой, какие непочтительные мысли, если хозяин узнает о таком проступке ничтожного Нривы, то сурово накажет... Стоп! Какой хозяин?! Ну... мой хозяин. Великий маг и чародей мессир Сонеди... Стоп! Какой на фиг Сонеди?! Тот, что перекупил меня у графа Тонрезе два десятка лет назад и сделал свои личным слугой.

Я прислонился к стене и сполз на пол. Меня мутило, и жутко хотелось есть, в голове был бардак, я чего-то боялся и кого-то ненавидел... Во внутреннем слое амулета, там, где была сфера, заполненная туманом и клетками, в беседке врукопашную боролись две фигуры. И та из них, что была полупрозрачной, проигрывала.

– Тебе плохо? – Рядом со мной присел на корточки страж-

ник. – Хозяина позвать? Да положи ты эту штуку, знаешь же, что здесь ее украсть некому.

Силуэт человека во внутреннем пространстве амулета взбрыкнул и отшвырнул меня. Но я вцепился в него как клещ и не отпускал, понимая, что едва лишь сделаю это, как снова пропаду из реального мира.

– Не зови его могущество, – одними губами прошелестел кто-то, но не я. – Рассердишь. Он куда-то собирается... Не надо... Я дойду... Встать помощи...

Тут я отвлекся от попытки взять под контроль чужое тело и сосредоточился на борьбе душ, оттеснив неведомую личность подальше от кресла и изолировав ее от наделяющих могуществом потоков. Изменившиеся руки пробили незваного гостя напротив тех мест, к которым были присоединены канаты. Таким образом, прежде чем дойти до человека, энергия должна была пройти через меня... А я ее перехватывал. Почти всю. В любом случае в несколько раз больше, чем доставалось моему противнику. С каждым мгновением борьбы он все больше отдалялся от победы.

– Отпусти! – заверещал тонким противным голосом соперник.

– Ага, щас! Подпрыгни.

– Отпусти меня, злобный дух, я подпрыгну.

– Ты меня слышишь? – поразился я. Надо же, впервые я разговариваю с кем-то внутри амулета! Впрочем, нет, это не речь: звуков я не издавал, да и интонации... Никогда не

чувствовал их так ярко. Слишком ярко. Скорее, в диалогах внутри этого странного артефакта используется нечто вроде смеси эмпатии и телепатии. Но об этом можно подумать позже. А сейчас я заматывал душу этого человека в свою энергию, как паук муху папиной.

Тело, которое мы никак не могли поделить, и правда попыталось подпрыгнуть. Со стороны это, наверное, смотрелось весьма странно.

– Отпусти! – продолжал упорствовать человек.

– Слушай, где бы мне прилечь? – сказал я стражнику и неожиданно понял, что больше не знаю, как его зовут. И что спросил я на русском, а не на том языке, на котором стоит к нему обращаться. А между тем воин явно недоволен. Стоит, хмурится, смотрит на меня и что-то щебечет. Спрашивает то есть. Пришлось спешно разматывать... Нрыву. Кажется, так его/меня зовут? Ой, блин, много отмотал, а ну обратно! – Все, я в порядке, – выдал наконец я, установив шаткое равновесие. Мне идет две трети энергии, а хозяину тела треть. Мы оба в сознании и имеем доступ к телу, но я его контролирую и даю добро на каждое движение, каждое слово. Только в таком виде я, именно я, могу передавать управление человеку, понимая, что в любой момент могу вернуть его себе. Вот только с полной самостоятельностью я утрачу память, а заодно и навыки слуги колдуна.

Меня, уже меня, подняли и повели куда-то по коридору. Что характерно, знакомое золотое блюдечко, украшенное

резьбой в виде неизвестных рун и синим камнем в центре, не просили посмотреть, а напротив, косились на него с опаской. Видимо, у стражников хватило ума соединить два и два, то есть амулет и плохое самочувствие. Остановились мои конвоиры только перед дверью, один взгляд на которую любого уверил бы, что ничего хорошего за ней быть не может. Кто же прячет хорошее за дверью, инкрустированной человеческими черепами? Тем не менее меня буквально впихнули внутрь, пообещав отпить вином, как только выполню приказы мессира.

В общем, пока я добирался до места назначения, уже слегка разобрался, кто я и что я. Оказывается, напав на слугу, неосторожно задевшего рукой магический амулет, я применил один из любимых трюков призрачной братии. Одержимость. И теперь я уже был не трусоватым паркетным шаркуном Нрывой, а самим собой, неудачливым оккультистом Романом, который получил доступ к способностям и памяти захваченного мной тела. Впрочем, никаких способностей, кроме общечеловеческих, у слуги не было. Да и те были в прямом смысле урезаны, ведь помимо всего прочего Нрыва числился еще и смотрителем за наложницами хозяина. И память у этого субъекта оказалась весьма куцей: мне ее едва-едва хватило, чтобы понять, что я не на Земле. Насколько я понял, сопоставив известные ему слухи и сплетни о мире за дворцовыми стенами, где он бывал только мимоходом, демон, убивший зарезавшего меня колдуна, продал амулет

с заключенными в нем душами в какой-то иной мир. Ибо в нашем мире одна Луна, а не три. Об остальных отличиях оставалось только гадать, но, судя по всему, я исполнил мечту многих начинающих чародеев и завзятых толкиенистов. Попал в мир меча и магии. Мертвым, правда, но тут уж как повезло. Или, правильнее, не повезло.

Оторвавшись от грустных мыслей, я поймал себя на том, что едва не положил подушечку с амулетом на стол. Ой-е! Да ведь если бы прервался контакт моего узилища с этим телом, то оно немедленно бы позвало своего хозяина. А тот даже по местным меркам, где на публичную казнь в виде медленного четвертования смотрели как на развлечение, считался очень злым и жестоким черным магом. Отсюда надо делать ноги! И быстро! Вот только... Как удобно, что на слугу оформлены все допуски в местной системе безопасности. Правда, на нем же и целая куча подчиняющих заклятий висит, не позволяющая ему много чего, но вот защита здания однозначно считает эту персону за прямого эмиссара хозяина и допускает сразу в несколько мест, попасть куда постороннему невозможно, но очень хочется: в лабораторию, сокровищницу и гарем. Впрочем, самому Нрыве все три святая святых без надобности, так как он неграмотен и туп, не имеет возможности выйти с территории дворца без хозяина под страхом немедленной остановки сердца, да вдобавок ко всему и евнух. Трогать магические артефакты и фолианты, в обилии имевшиеся в лаборатории чернокнижника, я не стал. Слу-

га помнил, что его хозяина пару раз все-таки обворовывали, но свое барахло он неизменно находил по магическому следу, после чего удачливые грабители умирали, как правило, долго и мучительно. А вот золота из казны выгреб десятков пять монет. Большую сумму было бы трудно спрятать в одежде, да и недостаток финансов на общем фоне оказался почти незаметен. Что такое пятьдесят рядом с тысячами? Довольно хмыкнув, заныкал монеты по разным потайным местам вроде кошелька в поясе и подкладки кафтана, после чего ринулся вниз, барабаня по длинной лестнице подошвами. План мой был прост. Раз из дворца чародея это тело выйти не может, нужно его поменять. И позаботиться о дальнейшем молчании слуги.

Сознание Нрывы, уловив мои мысли, панически заметалось, но деваться ему было некуда. Следующим хозяином амулета, в котором я вынужденно оказался расквартированным, стал ночной сторож, который, как знал слуга чародея, днем отсыпается в казарме, расположенной в саду. Этот человек пользовался полной свободой передвижения. Самым важным, что ему доверили, была дверь во внутренние покои дворца.

Незаметно исчезнуть из логова колдуна оказалось очень просто. С помощью тайных ходов, коих в стенах дворца насчитывалось едва ли не больше, чем обычных коридоров и галерей. Нрыва их все знал. Ну или думал, что все. В любом случае, мне хватило.

Просочиться внутрь каморки удалось почти бесшумно, похрапывающий на топчане бугай даже не проснулся. Соседей, как я убедился, не было: все ушли в город развеяться. Теперь предстояло самое сложное. Зажав амулет в руке Нрывы, я вложил его в ладонь спящего и сомкнул на золотом круге пальцы стражника, одновременно отворяя свою темницу и нанося по вопящему от ужаса сознанию слуги самый мощный удар, на какой оказался способен.

Краткий миг ожидания, за который я, если б мог, обязательно поседел бы, – и в беседку попало еще одно сознание, но было оно каким-то вялым и едва шевелилось. Сопротивления стражник не оказал. Просто не успел, я захватил его раньше, чем он окончательно проснулся и огляделся по сторонам в поисках слуги. Нрыва слабо ворочался на полу. Кажется, знакомство со мной оставило ему неприятные воспоминания. Хмыкнув, долбанул его по темечку. Опытный воин, чьим телом и навыками я воспользовался, прекрасно знал, как лишить человека сознания, не убивая его. Наконец-то его разум полностью восстановился после сна, и стражник попробовал сопротивляться. Бесполезно. Используя его как своеобразный насос для выкачивания из клеток силы, я опутывал душу человека все новыми и новыми полотнищами энергии, так хорошо показавшими себя в борьбе с Нрывой.

«Попался, – подумал стражник. – Так и знал, что служба на этого упыря ничем хорошим не кончится».

Человек крепился, но чувствовалось, что он в сильнейшем ужасе перед сверхъестественным. Прекрасно его понимаю: находиться одновременно в громадной сфере, заставленной клетками, и в собственном теле, занятом чужаком... Да, это может напугать кого угодно.

«Поможешь – сумеешь выжить, – послал ему свою мысль я. – Будешь мешать, нас поймают, и тогда я тебя убью».

Он, естественно, не поверил, но дергаться перестал, решив, что справиться с порождением темной магии, то есть со мной, сам не в состоянии. Монеты, которые я вытащил из различных тайничков на теле Нривы, его заметно порадовали. Сумма, видимо, была не маленькой. И тут наконец-то у него закончились запасы энергии, и его душа заснула, сделав меня полноценным хозяином тела.

Я порадовался тому, что снова полностью контролирую ситуацию, быстро оделся в дорожную одежду, прихватил из прикроватного сундучка личные сбережения стражника и уже было вышел из казармы, но задержался, бросив взгляд на тело слуги.

«Жаль его, но свидетели мне не нужны. Незачем купившему амулет чародею знать, что в нем есть не предусмотренные планом жильцы», – с пугающим цинизмом решил я и полоснул лежащего без сознания человека засопожным ножом по руке. Он истечет кровью через несколько минут: я уже успею покинуть дворец. По горлу, конечно, надежнее, но вдруг темный маг сумеет ощутить смерть слуги и заинтере-

суется? Пусть уж лучше окажется перед остывающим телом. Мертвые тоже могут говорить: я – «живое» тому свидетельство... но время наверняка выгадаю.

Вновь пустив к душе наемника струйку энергии, я передал ему контроль за движением с тем, чтобы все выглядело как можно естественней. Сторож вышел из дворца и бодрым шагом начал удаляться от элитных кварталов к тем, что попроще, держа руку со стиснутым в ней амулетом в кармане. Я собирался в очередной раз сменить носителя. На кого именно, еще не решил. Может, на нищего калеку, которого не заподозрят в том, что он мог обокрасть волшебника. Или лучше на дряхлого старика, который тоже не способен на такой подвиг? Одно ясно, к обеспеченным слоям населения лучше не подходить, их исчезновение может быть замечено, а вот на бедняков власть имущим плевать, и даже если они будут искать специально, то низшие слои населения едва-едва тряхнут... просто по инерции.

На очередном повороте я затормозил, вновь вырубив хозяина тела. Прямо передо мной сидело воплощение мечты о незаметности. Беспризорник, лет четырнадцати, грязный, в рванье. Он клянчил мелочь. То, что надо! Отдам ему амулет и кошелек... И один кинжал тоже. Блин, а что делать со стражником? Посреди улицы незаметно лишнего свидетеля не уберешь... Хотя...

Создать в объединенном амулетом сознании меня-стражника фантом оказалось делом нескольких секунд. Какая-то

жуткая полузмея-получеловек, чей образ я наглым образом утащил то ли из фильма ужасов, то ли еще откуда, обвила шею стражника своими лапами и обдала его иллюзорным дыханием. Одновременно я направил во впавшую в ступор из-за недостатка энергии душу тонкий ручеек силы, достаточный, чтобы ее пробудить.

Человек, оказавшийся в лапах чудовища, немедленно начал дергаться и орать.

«Тихо, – велел я, – познакомься. Отныне это – твой страж. Сейчас я уйду, как и обещал, а он останется в твоей голове навсегда. Будешь хорошо себя вести и слушаться приказов, которые мои слуги передадут тебе, и он будет спать. Разозлишь меня – он проснется. А поскольку он всегда голоден, то тут же начнет есть. Догадываешься, кто станет его пищей».

«Я-а-а-а-а», – проблеял человек.

«Умница, – улыбнулся я, свертывая фантом в точку, которую «прилепил» на лоб стражника. – Вот видишь, страж уснул, но оставил на твоей душе метку, чтобы не потерять случайно. Из преисподней, где живет он и ему подобные, знаешь ли, плоховато видно. А теперь идем к тому парню, что сидит на ступеньках. После того как отдашь ему амулет, уезжай из города как можно быстрее. Маг Сонеди будет тебя искать, а на его фоне мой чешуйчатый слуга смотрится весьма невинно. Ты меня понял?»

«Да-а-а-а-а».

Передача амулета прошла как по маслу. Сознание подростка оказалось более восприимчивым, чем сознание взрослого, я сломил его почти моментально, после чего пацаненок, тиская нежданную добычу, помчался домой, а стражник, испуганно озирающийся на него, побрел прочь.

Парень не боялся совершенно, а опомнившись от неожиданного нападения, сопротивлялся захвату отчаянно. Он даже едва не завернул наше общее тело в какую-то пирамидообразную постройку, которую считал храмом. Каких усилий мне стоило его остановить, просто немыслимо! Гм... с чего бы такое сопротивление, а? Может, у парня есть какой-то дар к магии, который позволяет ему так сопротивляться? Или просто воля сильная, все-таки Нрыва и тот стражник не показались мне людьми с твердым характером. Так или иначе, но развернуть его мне удалось только после того, как я захватил его руку, в которой был зажат кинжал, и слегка кольнул, одновременно мысленно послав фразу: «Будешь кочевряжиться, воспользуюсь телом того, кто станет обирать твой труп». Только это его и вразумило. Но не напугало. Хотя... в этом возрасте в смерть еще не верят.

Забравшись с черного хода в неожиданно приличный дом, парень сначала замер, потом на цыпочках стал красться в свою комнату, но тут раздались тяжелые шаги.

«Тетка, – мелькнула мысль в сознании паренька, – сейчас добычу отберет...»

– Что-то рано ты явился, паршивец! – наступавшая на ме-

ня со спины бабища могла бы остановить не то что лошадь или даже слона... Для такой синий кит – мелкая рыбешка! Килограммов под двести весом, с не менее чем тройным подбородком, складками жира по дряблному, едва прикрытому халатом телу, да еще и с видимой щеточкой усов на верхней губе.

Подросток отдавать медальон не захотел. Ну и я на одних рефлексах решил держаться подальше от этого чудовища в юбке. Наши желания неожиданно совпали, и мы рванули вперед. Но парня уже цапнула за шиворот толстая, покрытая жесткими черными волосками рука. Ну а у меня на такой захват один рефлекс. Схватить нападающего за протянутую конечность и швырнуть через себя. Истошно взвизгнувшая туша ударилась об стену и сползла вниз, обнажив кривые толстые ноги, поросшие растительностью так же густо, как и руки.

– На кормилицу вздумал руку поднять! – Визг был слышен, наверное, всему городу. – Вон! Вон из моего дома! Тварь! Ублюдок! Нелюдь!

Одновременно с последним словом в ухо мне врезался чей-то кулак, отправивший тщедушного паренька в короткий полет, закончившийся ударом об стену.

– Извини, Сало, – развел руками седовласый мужчина с холодными волчьими глазами, опасно косясь на кинжал стражника, который я выхватил из рукава, когда увидел, кто именно так сильно меня стукнул, – но хозяйка ясно сказала,

что тебе здесь не рады, а значит, ты должен уйти.

«Сало?» – удивился я и послал этот вопрос законному хозяину тела.

«Это кличка, – пришел ответ. – Меня так за удобу прозвали. А вообще-то я Сардас».

– Я вещи собираю, – сказал я мужчине.

– Хозяйка сказала вон. – В его руках, как по волшебству, тоже блеснули ножи.

– Вещи. Я. Соберу.

Неизвестно, что увидел человек в глазах парня, но он кивнул, поднял женщину и скрылся в одной из комнат.

Парень рванул было обратно на улицу, но я его придержал. Спрашивается, где логика? Не бояться того, кто управляет твоим телом, но бояться тетки с ее сожителем... хотя... меня-то он знает меньше часа, а вот они для него опасность, въевшаяся чуть ли не в подкорку мозга. Велев парню зайти в свою комнату и собрать вещи, я принялся анализировать ситуацию. Ну, смоюсь я из города, подальше от колдуна, а что потом? А черт его знает! Мое родное тело, может быть, уже сгнило и в любом случае находится где-то далеко. Покинуть амулет, чтобы уйти туда, куда полагается уходить порядочным умершим, я не могу. Остается либо тихо гнить бессознательным овощем в амулете, либо кочевать по чужим телам, ворую из их душ поставляемую амулетом энергию... Второй вариант кажется мне определенно более привлекательным, я всегда предпочитал активные действия выжидать.

тельным. Вот только этот мальчишка, нелюдь, как обозвала его тетка, слишком сильно он сопротивляется, но легенда у него получилась такая правдоподобная, что хоть сейчас проверь любой разведкой мира... Был выгнан из дома, где до этого жил энное количество лет, даже свидетели имеются. Стоп! А почему нелюдь?

Уже увязав одежду в тюк, мальчишка шагнул к стоящему недалеко от кровати ведру с водой и принялся смывать грим. Из водной глади на меня посмотрело сразу ставшее чуть более взрослым лицо юноши лет шестнадцати с немного раскосыми глазами. Он улыбнулся, и ослепительно белые ровные зубы без следа клыков яснее ясного сказали мне, что последний вопль женщины был справедлив. Не бывает у людей такого прикуса.

«Кто ты?» – задал я вопрос парню, ослабив давление на него.

И получил в ответ:

«Полуэльф. Мать нагуляла с каким-то перворожденным, да и померла родами. А ты кто?»

«Я... – Признаться, хороший вопрос. Кто я? Целитель-самоучка? Призрак целителя-самоучки? Его душа? Амулет с внедренным паразитом? Пришелец из иного мира? Да уж, непростой вопрос, хотя последний термин лучше всего описывает мою суть. Помнится, знаменитый писатель Роберт Асприн вывел слово «демон» от словосочетания «демонстратор измерений»... Я ничего не демонстрирую, но тер-

мин, пожалуй, мне подходит. – Я демон. Заточен в этом амулете магом... в общем, ты его не знаешь, и он давно умер».

«Понятно, – серьезно кивнул подросток. – Я догадывался о том, кто ты. Что теперь будешь делать?»

«Не имею ни малейшего представления. Я только сегодня обрел пусть и относительную, но свободу и не хочу ее потерять. Знаешь, после того как проторчал в какой-то побрякушке, пусть и сделанной из золота, бездну времени, очень хочется вновь ощутить вкус еды, воды... Кстати, эту, что в ведре, можно пить?»

«Да».

Я с жадностью напился. Такое забытое ощущение комка воды, проваливающегося в горло... Как оно, оказывается, приятно.

«Чудесная вода», – похвалил я.

«Вообще-то она уже начинает тухнуть, – поправил меня полуэльф. – А что будет со мной?»

«Я чувствую все то же, что и это тело, а ты его хозяин, на борьбу с которым у меня уходит уйма сил, которые я предпочел бы сэкономить. Мы можем договориться к обоюдной выгоде».

«Да ну? – не поверил юноша. – И что ты мне предложишь? Власть над миром?»

«Мечтать не вредно, мой юный друг. Сам посуди, была бы у меня не то что такая власть, а хоть бледное ее подобие, сумели бы меня запереть в этой штуке?»

«А почему нет? Претендентов на власть всегда стараются заточить».

«В красивых историях? Не спорю. А вот в жизни их просто и без затей убивают. Малыш, даже если бы я был здесь и сейчас в своем настоящем теле, то мог бы я немного», – ничуть не покривил душой я.

«Тогда что ты мне дашь, если я соглашусь стать твоим слугой?»

«Слуги мне не нужны, скорее, партнеры, – отказался я от сомнительной чести получить первого собственного культиста. – Мне важнее дружеский совет и возможность всегда с кем-нибудь поговорить, если будет грустно и одиноко. Житейский опыт, не обессудь, не предлагаю. В вашем мире он бесполезен».

«И чего ты хочешь?»

«Жить. Просто жить. И ты мне в этом поможешь».

«А у меня есть выбор?» – снова приуныл полуэльф.

«Не все так плохо, парень. По крайней мере, пока я с тобой, болеть тебе, думаю, не придется».

И с этими словами я попробовал вызвать холод. И он пришел, окутав разбитую скулу и исчезнув через несколько секунд.

«А что, – одобрил полуэльф, пощупав лицо, – мне нравится. К тому же быть слугой демона, может, и не лучшая участь... но всяко лучше, чем быть вором или попрошайкой: руки не отрубят, и от голода не умру. Куда мы пойдем?»

«Тебе решать. Но сначала...»

Признаться, меня сильно нервировала возможность того, что по какой-либо причине мальчишка разожмет руку, и возможность самому решать свою судьбу исчезнет. Поэтому я решил исправить положение дел.

«Ты что делаешь?! – мысленно закричал полуэльф, когда увидел, как кинжал вспарывает его грудь. – Немедленно остановись! Прекрати! Хватит!»

Интересно, сильную боль он испытывает? Наркоз от моего магического холода все же не абсолютен... Ладно, потерпит.

«Не дергайся, мешаешь, – послал я ему ответ, после чего спрятал амулет в рану и зарастил ее. – Ну как, чувствуешь что-нибудь?»

Снаружи ничего заметно не было, грудная клетка у парня и так была достаточно ровной, так что даже косметического ущерба у полуэльфа не наблюдалось.

«Ты... ты... я же калекой останусь!»

«С чего вдруг? В этом месте нет ничего особо важного, только ребра, что защищают сердце и легкие. А теперь они у тебя еще и моим амулетом прикрыты, цени. И потом, разве было так уж больно?»

«Нет, – подумав, признался полуэльф, – но ты больше так не делай».

«Ладно, – пообещал я, – в следующий раз обязательно предупрежу».

«Что значит «в следующий раз»?!»

Вечером того же дня парень со всеми своими вещами покинул город, присоединившись к хлебному обозу, следующему в столицу, заплатив за проезд из собственных денег. Светить золото, украденное у колдуна, я счел преждевременным. Стража на воротах осматривала всех, но искала не амулет, а тюки с контрабандой. Ну что ж... столица вроде бы город большой, в ней легко затеряться молодому полуэльфу, в теле которого спрятан медальон, в свою очередь скрывающий в себе не один десяток душ. Что нас ждет дальше? Я не знаю. Но сдаваться и покорно следовать своей судьбе я точно не собираюсь!

Глава 3

Люблю дорогу. Особенно, когда от меня нахождение в пути не требует никаких усилий. Знай себе сиди, любуйся на проплывающие мимо пейзажи... Жаль только, что телега, на которой сидел я, а вернее, полуэльф Сардас, так медленно двигалась по грунтовому тракту. Сейчас мальчишка стал полноправным хозяином своего тела. Я практически ничего не контролирую, так, присматриваю одним глазком за тем, что он делает. И ему спокойней, и у меня время есть. А времени мне теперь нужно много...

После того как амулет оказался в груди паренька, проблема нехватки энергии для меня исчезла целиком и полностью. Энергия поступала в разы быстрее, чем я ее расходовал на то, чтобы поддерживать себя не только в хорошей форме, но и в приподнятом настроении. Из каждого трубопровода, ведущего к клеткам, капало совсем по чуть-чуть, но регулярно. Опустошенный мной бассейн позади трона заполнился уже целиком, и теперь излишки поднимались против всех законов физики вверх по стенам беседки и уже на них затвердели. И именно над ними я сейчас и экспериментировал. Мало ли что будет? Вдруг у парня инфаркт случится. Что мне тогда делать? Конечно, вероятность именно такого летального исхода для подростка невелика, но в жизни много и других опасностей.

Поэтому я предоставил полуэльфа самому себе, отчаянно пытаюсь разобраться с тем, что есть что во внутреннем мире амулета. Но чем больше я напрягал свой разум в попытках раскрыть тайны магического артефакта, тем больше запутывался. Вопросы появлялись один за другим, а ответов на них что-то не находилось. Вот интересно, а предел у этого амулета есть? Не может же он наращивать запасы бесконечно? Сфера, конечно, велика... но если беседка продолжит увеличиваться в размерах, то рано или поздно раздавит все клетки и упрутся в ограничивающий барьер. Так что логично было бы предположить увеличение накопленной энергии до определенного значения, а потом переход в ждущий режим, до тех пор пока носитель амулета не потратит часть запасенного впрок и не придет пора вновь по чуть-чуть наращивать ресурсы.

Откуда взялась сама беседка? В ней энергии уже на момент создания было не намного меньше, чем сейчас! Тут возможны два варианта. Либо ее каркас был создан колдунном заранее, с тем чтобы поступающий от заточенных в клетки душ поток энергии усваивался, будто электричество в аккумуляторе, либо, что кажется мне более вероятным, смерть десятков людей дала столько энергии, что ее суммарный, но единовременный выброс превзошел поступления от пленников в сотни, а то и тысячи раз.

Но разве это логично? А понятие «логика» вообще к происходящему применимо? Творящееся перед моими глазами

на привычные принципы материального мира плюет с высокой колокольни и подчиняется своим, непонятным для меня правилам. Однако какие-то закономерности я уловил. К примеру, агрегатное состояние того, что меня окружает, зависит от количества в нем энергии и меня самого. Если энергии по сравнению с моими запасами много, структуры, содержащие ее, светятся и невероятно прочны. Первоначально клетки меня обжигали весьма сильно, потом терпимо, а сейчас они скорее теплые, чем горячие. Они не изменились. Изменился я. Теперь единственными предметами, которые я пока не могу разломать, являются статуи обитателей клеток и застывшая энергия беседки.

Если соотношение между мной и объектом, на который предполагается оказать воздействие, примерно равное – то вещи выглядят нормальными материальными предметами, которые сложно, но можно разбить. Если же я энергетически намного превосхожу свою цель, то она становится как бы полупрозрачным туманом, который легко поддается моей воле. У меня после освобождения из клетки полуматериальных ломиков десятка полтора было да плюс еще пару настоящих кувалд и какое-то кривенькое подобие меча слепил. До тех пор пока остальные ресурсы не закончились и я их не разбил о беседку вдребезги, добывая себе пропитание. Ведь когда энергия заканчивается совсем, объекты в этом странном месте исчезают. Но и у этого правила есть исключения. Души. Что у тех, чьи тела я подчинял, что у меня самого, что у уз-

ников клеток, они после выкачивания из них энергии не пропадали, а впадали в какой-то стазис. И если судить по тому, что из трубопроводов, пусть и очень медленно и неохотно, сочатся алые хлопья, то души в таком состоянии не только не потребляют энергию, но и производят ее. Вот только как бы с ними поговорить? Грубый натиск, когда я пытался решить проблему одной только силой, ничего не дал. Все мои дилетантские потуги чарами покойного колдуна просто игнорировались. От безысходности я сплюнул сгустком энергии на кроваво-красный пол беседки и переключился на Сардаса.

«Мой юный друг, готовься, будем проверять твоё образование!» – мысленно потирая руки, оповестил я его.

«Но я умею читать!» – возразил мне полуэльф.

«А я нет. Точнее, на вашем языке не умею, но намереваюсь этот недостаток исправить. Устраивайся поудобнее и делай вид, что задремал, пусть попугачики привыкают к твоему спящему виду. Думаю, времени на мое обучение уйдет много, за один день не успеем. Но надо же когда-то начинать?»

Странные это были уроки, когда ученик старше и образованней учителя, а занятия проходят в клубах фиолетового тумана, в котором я из энергии создал подобие доски, на которой и писал буквы местного алфавита. Под вечер я уже имел представление о здешней грамоте, вот только мой словарный запас был еще очень мал.

«А ты будешь меня учить?» – спросил полуэльф, после того как я наконец без ошибок написал первое предложение».

«Учить? А чему? – задумался я. – Может, математике? Ее знаю неплохо, правда, поначалу в ваших цифрах буду путаться... но ничего, ты меня, если что, поправишь».

«Счет я могу и сам освоить. Вот если бы ты научил меня какой-нибудь магии», – заканючил Сардас.

Хорошенькое дело! Чему его учить? Целительству? Ну, допустим, он им овладеет... Тогда вытащить из груди медальон станет для него делом нескольких секунд! Не годится... Может, научить его вылезать из тела? Или... А зачем его вообще чему-то учить? Управление энергией в этом странном месте мне доступно, осталось только научиться выводить ее в материальный мир. Колдун-то точно это умел, иначе зачем ему амулет. Я с легкостью могу придать энергии любую форму и импульс в этом месте, а значит, вероятнее всего, смогу это проделать и снаружи. А Сардас пусть учится управлять этой с позволения сказать «магией». С моей помощью, естественно. Заодно это укрепит его зависимость от амулета. Лишится его – лишится силы.

«А зачем тебе магия?» – поинтересовался я.

«Чтобы быть сильным!» – уверенно выпалил полуэльф.

«А зачем тебе сила?»

«Ну... – задумался подросток, – чтобы мои враги не смогли меня обидеть. Эй, тебе же это тоже пригодится, ты ведь сидишь внутри меня!»

«Не спорю, – согласился я. – Но от врагов лучше всего защищает не сила, а скорость и незаметность. Хочешь, я научу

тебя прятаться и быстро бегать?»

«Это, конечно, здорово, – протянул Сардас, – но...»

«Но это не то, чего бы ты хотел, – уверенно закончил я. – Ведь так?»

«Так, – сознался подросток. – Быть сильным легче, чем слабым».

«Оригинальное заявление, – развеселился я. – А пояснить не хочешь?»

«У сильных всегда все лучшее. Их боятся и уважают. Им указывают, что делать, лишь еще более сильные. Я не хочу больше быть слабым. С меня достаточно!»

Вопль пацана, хоть и ментальный, по своей громкости не сильно уступал динамикам на стадионе.

«Тебя часто обижали?» – спросил я, заранее зная ответ.

Конечно, парню доставалось. От хорошей жизни попрошайничать не идут. Да и не похожа была его тетка на женщину, которая стремится обеспечить мальчишке не то что хорошую, а просто нормальную жизнь.

«Часто, – вздохнул парень. – Полукровок вообще недолюбливают как люди, так и эльфы. А уж если еще у этих полукровок и родителей нет... совсем плохо. Я прятался и бегал всю жизнь, потому что если я пытался остановиться и дать сдачи, то на меня мгновенно набрасывались все, кто был рядом. Раз уж мне выпал такой шанс, то я хочу стать сильным хотя бы для того, чтобы больше меня никогда не били».

«Достойный повод, – согласился я. – Хорошо, вот дождем-

ся ночи и посмотрим, на что я, несмотря на заточение в амulet, все еще способен».

«А почему ночи? Ты становишься сильнее в темноте?»

«Нет. Просто будет сложнее разглядеть, чем именно мы занимаемся. А теперь, поскольку до заката еще долго, давай-ка почитаем историю здешнего мира».

Несколько учебников по самым разным предметам было куплено перед самым отъездом из города. Дорогие, заразы, двадцать семь монет отдал. Сардас пытался протестовать против столь неразумных, по его мнению, затрат, но я был непреклонен, ибо к лозунгу «Знание – сила!» вполне можно добавить продолжение: «Неведение – слабость!» А ни полуэльф, ни тем более я об окружающем мире не знали почти ничего.

Историю, да и географию, впрочем, тоже, Сардас знал плохо. Совсем не знал, если честно. Знал только, что королевство, в котором он проживал, называлось Карацеон и входило в так называемый Южный союз, так что информация, которую удалось с боем отвоевать у напечатанных каким-то примитивным способом страниц, интересовала нас обоих. Общего названия у реальности, куда меня занесло, не было, все народы называли ее по-разному, каждый на своем языке, но при этом было общеизвестно, что другие миры существуют. Населяли эту землю в основном люди, но и другие расы присутствовали, причем в немалых количествах. Отношения между ними складывались не сказать, чтобы мир-

ные, но войн на уничтожение только из-за острых ушей, зеленой кожи или наличия хвоста не было. Хватало других причин для кровопролития, более серьезных. Территория, например. Или рудники. К тому же многие народы имели свою специализацию, благодаря чему истреблять их и в голову никому не приходило. Эльфы прочно оккупировали фармакологию. Они и только они были способны производить лекарственные травы и эликсиры на их основе в промышленном масштабе. Если бы остроухие исчезли из какой-либо страны, там немедленно начались бы проблемы. Надо заметить, что уровень чистоплотности среди людей был невысок, и от эпидемий спасала только магия. Гномы стандартно считались лучшими кузнецами и рудокопами: не станет бородатых коротышек, не будет и оружия, – на трофеях и запасах далеко не уедешь. Орки были лучшими скотоводами, повторить их успехи на ниве выведения элитных пород лошадей, коров или овец другие народы с бухты-барахты, без многолетних существенных затрат не могли, да к тому же зеленокожие по численности населения были среди лидеров. Гоблины жили везде, если в радиусе хотя бы пары часов пешего хода отсутствовали поселения других рас. Ну просто везде, не собираясь, однако, в более-менее крупные образования и являясь по сути дела низкорослой помесью бомжей и хиппи. Борьба с ними было все равно что с уличными собаками и котами. Вреда мало, дохода нет совсем, и раньше, чем из-за их нападений появятся жертвы, что было явлением редким,

чесаться никто из начальства даже не думал. Прочие расы тоже нашли себе ниши, а кто не нашел, тот вымер.

Территория королевства Карацеон, как и его ближайших соседей, членов Южного союза, практически полностью была покрыта лесами. Сложно сказать почему, но в этом мире такой ландшафт был доминирующим. Расчищены были лишь участки, непосредственно прилегающие к городам, а вот деревни с полями со всех сторон были окружены естественной преградой, дорогу через которую приходилось расчищать хотя бы раз в три года, а то зарастала напрочь. Как выяснилось из учебника, это государственное образование возникло около трехсот лет назад после попытки вторжения с северного материка. Ее предприняла империя Золотого Дракона, называемая также империей Сянь.

Страна с таким названием располагалась на самом краю отделенного небольшим спокойным морем северного континента, который хоть и был раз в семь меньше южного соседа, но тем не менее оказался нешуточной угрозой для южан. Населяли его преимущественно представители азиатской расы человечества. Впрочем, были и там свои нелюди, а также представители других ветвей вида хомо в виде переселенцев с соседнего континента и негров откуда-то с совсем уж дальних островов. Благодаря законам, которые по забавному совпадению тоже называли драконовскими, а также большим прибрежным полям раковин-жемчужниц, благосостояние империи Сянь неуклонно повышалось. Представители

династии Золотого Дракона установили на своих землях такой тотальный закон и порядок, что выжившие представители аристократии прекратили попытки растащить империю на кусочки. Ну а затем, судя по всему, внутреннего рынка стало не хватать, и империя решила прирасти территориально. Поводом послужили регулярные нападения южных пиратов на корабли своего богатого соседа.

Великолепно обученный и неплохо оснащенный корпус имперцев высадился на большом полуострове Кривой Клык, отрезав находящийся на самой его оконечности вольный город Хилсед, вотчину пиратов, от остального континента. Морские волки показали себя в обороне на суше просто отвратительно, и в течение нескольких дней город был взят. То ли у сяньцев были свои теории расового превосходства, то ли пираты им и правда сильно надоели, то ли был отдан приказ пленных не брать, но в городе устроили самую настоящую резню. Спасти сумели немногие. Королевства юга отреагировали моментально. О пиратских богатствах давно ходили слухи, а тут еще и имперцы пришли и тоже наверняка не с пустыми руками... Армии королевств Карацеон, Нитхейм и герцогства Озер, правители которых приходились друг другу не слишком дальними родственниками, нанесли три прекрасно скоординированных удара в тыл экспедиционного корпуса. Причем тоже слегка погорячились, вырезав всех попавшихся на пути людей с желтой кожей. Боевые действия были столь удачны, что в руки северян попали кораб-

ли сяньцев... Ну как тут не провести рейд возмездия? Тем более что жемчужные прииски никуда не делись.

Имперцы к такому повороту событий оказались совсем не готовы и поэтому защитить свои берега не сумели. Отчаянные попытки сопротивления привыкших не к полноценной войне, а к пиратским набегам сяньцев были жестоко подавлены, хоть и возглавлялись одним из старших сыновей императора. Самого его убили в каком-то сражении, а труп непочтительно раздели, содрав дорогие одежды и фамильные реликвии с еще не остывшего тела. Огнем и мечом прошлись южане по прибрежным северным городам, хватая все ценное, что подворачивалось под руку. А поскольку торговля между континентами хоть и была налажена, но находилась не в лучшем состоянии, ценным южане сочли буквально все. Добычи у захватчиков оказалось столько, что всю утащить не смогли: большую часть оставили в захваченном городе Тхенцзо, а меньшую спешно отправили домой. Вовремя. Золотой Дракон, которому чувствительно двинули по мягкому месту, проснулся и был, мягко говоря, зол. Армия сяньцев вышибла гарнизон южан и чуть ли не вплавь, реквизируя все пригодные для плавания по морю корабли, двинулась за наглецами. Не догнали, а на марш внутрь континента не решились, и правильно сделали. Если бы имперцы растянули свои коммуникации, то их бы банально окружили и смяли. С тех пор южане еще не один десяток раз наведывались в гости на северный континент, правда уже куда меньшими

силами, да и имперцы основательно пограбили, а кое-где и снесли до основания прибрежные города южан. Местность, примерно на неделю пути от океана, что на северном, что на южном континенте, почти обезлюдела и получила название Побережья. Селиться там рисковали немногие, так как добыча жемчуга и охота за добытчиками хоть и снизилась, но не прекратилась. Как и охота на охотников. Пиратство и каперство не просто имели место, они процветали, обогащая единицы и отправляя тысячи на тот свет. Положительным во всей этой истории оказалось только одно. Три государства, объединившиеся для общего похода за добычей в Южный союз, так до конца и не порвали уз, связывающих их друг с другом, более того, они их укрепили. И теперь на их территории действовали почти одинаковые законы, распространились почти одинаковые религии, да и люди говорили на почти одинаковом языке. Разница, конечно, оставалась, но была примерно такой же, как между Россией, Украиной и Белоруссией. Сами жители разницу представляли смутно, верховные шишки держали заначки врозь, а разные завоеватели с полным на то правом считали население этих территорий одним народом.

Выбраться из лагеря на небольшую прогулку оказалось делом до безобразия простым. Часовых на все это сборище людей и нелюдей было всего двое, да и то их должность наверняка считалась синекурой по сравнению, допустим, с носильщиком хвороста. Во всяком случае, свои обязанности

ближайший ко мне охранник исполнял с ясно слышимым храпом. Центр королевства как-никак, здесь шайка грабителей, способная на масштабную акцию, появиться не может в принципе, так как будет радостно растерзана дружинами местных рыцарей, которым для того, чтобы заняться достойным аристократа делом, войной, приходится обычно тащиться на границу. Ну а вору... все ценное обычно прячут так, чтобы быстро и незаметно его не достать. А мешки с мукой, кому они нужны, если нет голода? Так что и воров бояться не стоило.

«Ну что ж, – решил я, после того как шустрый полуэльф отдалился от лагеря на значительное расстояние, – проверим, что у нас за силы имеются. В дополнение к сверхсиле и сверхскорости, так сказать».

Эти два своих качества и я, и Сардас уже успели оценить по достоинству. Первым опытом стала родная тетка, которую худенький подросток швырнул через себя. Как оказалось, информация о том, что одержимые чрезвычайно сильны и ловки, которую я вычитал еще на Земле, была правдива. В состоянии почти полного слияния полуэльф, отличавшийся богатырским телосложением, без труда поднимал тяжеленный мешок муки одной рукой. И даже два мог, правда, почти на пределе своих возможностей. Вот только потом мышцы болели так сильно, что мне приходилось вызывать холод, чтобы их лечить. Думаю, объяснение у этого факта было простое: человеческое тело, ну или почти челове-

ское, как известно многим, рассчитано на куда большие нагрузки, чем применяются в обычной жизни. Примеров множество. В стрессовой ситуации охотник залезет на дерево, спасаясь от медведя, в десяток раз быстрее, чем даже если бы он специально тренировался целый год. Пьяный алкоголик падает с пятого этажа, после чего встает и идет домой на своих ногах. Затянутый под лед человек иногда голыми руками пробивает отделяющий его от воздуха панцирь, хотя ледорубом долбил бы его минуты три. Да просто мастер боевых искусств, раскалывающий ударом руки десяток кирпичей, является отличным примером того, что возможности организма куда более обширны, чем принято считать. Видимо, одержимость каким-то образом снимала барьеры в сознании, призванные уберечь тело от чрезмерного напряжения и неизбежных в связи с этим повреждений. В результате не очень сильный полуэльф вполне мог бы выйти на боксерский ринг против соперника в два-три раза тяжелее себя и иметь почти стопроцентные шансы на победу. Вот только пользоваться этим даром нужно было очень аккуратно. Когда на Сардаса села муха и я попробовал прихлопнуть ее, используя состояние одержимости, то слегка задел борт телеги, на которой ехал. Но «слегка задеть» голой рукой плотное дерево на такой скорости – это, знаете ли, очень неприятно. Если бы не мои способности целителя, то полуэльф потерял бы не меньше двух квадратных сантиметров кожи, так что бегать я на такой сверхскорости лучше поостерегусь. А

то споткнешься о какой-нибудь корень, и долго потом будут местные гадать, что за великан впечатал прохожего головой в дерево так, что осколки черепа разлетелись по всему лесу.

Для начала я попробовал одеть душу Сардаса в доспехи из энергии. Если подобным девайсом щеголял колдун, значит, они ему чем-то помогали, так ведь? Результат превзошел все мои ожидания. Полупрозрачная красная дымка окутала фигуру полуэльфа в реальном мире. Я попытался создать точно такую же в нескольких метрах от себя, но безрезультатно. Внутри амулета она появилась, а вот в реальности нет. Тем временем энергетический доспех стремительно терял энергию, становясь все более блеклым на обоих планах, пока не пропал совсем. Серия коротких экспериментов доказала, что создавать энергетические конструкции и управлять ими в реальном мире я могу... но только если они присоединены к телу хозяину амулета. Без контакта с Сардасом сгустки энергии стремительно теряли свои свойства.

«Ну что, малыш, готовься, – посоветовал я очарованному творящимся прямо на его глазах волшебством парню. – Сейчас у тебя появится еще одна шкурка, попортить которую, как я надеюсь, будет сложновато».

Я восстановил энергетические доспехи, создав для них постоянную подпитку от себя. Внешний их вид был вытащен из памяти подростка и примерно соответствовал турнирным рыцарским латам, которые были хоть и самыми тяжелыми и неудобными, но держали пальму первенства по степени за-

щищенности. Да и потом, энергия ведь не должна ничего весить, верно? В материальном мире подросток оказался окружен слабо светящимися доспехами из багровой дымки. Жутковатый видок получился.

«А их пробить можно?» – с любопытством спросил полужельф и пошевелил пальцами в полупрозрачной латной перчатке.

«Можно, – уверил я его. – Но я восстановлю их за секунду-две. На то, чтобы подлатать тебя самого, времени уйдет, конечно, побольше, но не намного. Так что если все же ввяжешься в бой, следи за тем, чтобы тебя одним ударом не убили, остальное я исправлю... А может, и нет. Восстанавливать выбитые глаза или отрубленные конечности мне еще не доводилось, так что не теряй головы. В прямом и переносном смысле. Ну что, идем дальше? На очереди наступательное вооружение».

«Конечно!»

Ну какой мальчишка, мужчина или не очень дряхлый старик откажется от возможности позабавиться с оружием? Разве что больной. Или радикальный пацифист, что, впрочем, то же самое.

Вначале я прицепил к каждому пальцу на руках души парня свои верные нити, не так давно бывшие моим единственным инструментом. По замыслу, он должен был получить нечто вроде телекинеза, хватая ими предметы на некотором расстоянии от себя... Не сработало. Сардас ими по-

чему-то едва мог пошевелить, а я элементарно путался в управлении этим своеобразным манипулятором. Ожидаемо в общем-то. Помнится, я и с четырьмя нитями не управлялся, не то что с десятком. Пришлось упростить задачу. Когда на каждой руке парня осталось по два очень длинных полупрозрачных пальца, подросток перестал напоминать осьминога, запутавшегося в собственных щупальцах, но все равно на конструктивную деятельность даже с моей помощью способен не был. Еще раз снизил нагрузку. С двумя хлыстами полуэльф управлялся уже намного увереннее. По крайней мере, верхушки кустов посшибал с легкостью. На большее энергии в созданных мной конструкциях не хватило, так как я благоразумно ограничил ее самым минимумом. И правильно, между прочим, сделал. Во время тренировки Сардас не один и не два раза умудрился хлестануть сам себя. Запитал бы я свои творения на максимум, пришлось бы его основательно лечить. А вот согнуть-разогнуть получившуюся конечность он не мог, так что если бы захотел взять какой-нибудь предмет без помощи рук, ему бы пришлось просить меня о помощи. Клинки из энергии, выходящие прямо из рук парня, так и вовсе пошли на ура: за счет меньшей длины я мог сделать их как бы более плотными, а это, судя по всему, увеличивало пробивную силу. Ствол молодого деревца был подрублен одним махом, а на большой булыжник, так кстати оказавшийся в пределах досягаемости, было потрачено минуты полторы.

«Ну не световой меч, конечно, – решил я, глядя на две половинки камня, который Сардас, скорее, перепилил, – но тоже неплохо. Да и ты, парень, на падавана не тянешь».

«А кто это такой? – заинтересовался полуэльф. – И что мне надо сделать, чтобы стать им?»

«Послушник ордена рыцарей-магов, – хмыкнул я, переводя слово «джедай» на местный язык. – Пока не научишься хотя бы раскидывать взглядом предметы без посторонней помощи, даже близко к этому званию не приблизишься, так что вперед, продолжаем тренировку по телекинезу!»

«Ну... – заканючил подросток, – зачем они мне? Неудобные эти твои хлысты! Давай лучше с мечом потренируемся!»

«Работать, негритенок, – хмыкнул я, вновь цепляя к пальцам полуэльфа жгуты энергии. – Солнце еще высоко!»

Успеха Сардас не достиг. Ну и ладно, мне же спокойнее будет. Я полчаса гонял его не затем, чтобы он освоил упражнение, а чтобы приучить к дисциплине.

С метательным оружием вышел полный провал. Клубки энергии, которые я щедро рассыпал во внешнее пространство, истаивали в нескольких метрах от полуэльфа. Но уж если успевали куда попасть... Остатки булыжника, по которым для пробы шандарахнули подобным приемом, на некоторое время стали как будто частью меня. Я чувствовал энергию, что их наполняла, и мог ее изменять... до тех пор, пока заряд, выплеснутый из амулета во внешний мир, не рассеялся. Вне себя от изумления я повторил опыт, только уже со-

знательно старался воздействовать на камень. Энергия, секундой назад бывшая частью меня, послушно закрутилась в спираль. А вместе с ней закрутился и булыжник.

«Впечатляет, – решил я, пять минут спустя разглядывая макет ДНК, который сумел создать из обычного серого камня. – Если ничего лучше не найдется, буду скульптором подрабатывать».

Неожиданно хорошо пошло дело в создании иллюзий. Образы, взятые из воображения, хоть и потребляли громадное количество сил, чтобы проявиться вне пространства амулета, но возникали в реальном мире исправно. Во всяком случае до тех пор, пока их с Сардасом соединял канал подпитки энергией. Техника была похожа на надувание воздушно-го шарика с дистанционным управлением, вот только вместо веревочки использовался канал поступления энергии. Выглядели они, конечно, не очень презентабельно, все-таки я по образованию не художник, но отвлечь неискущенного зрителя на несколько секунд, думаю, могли бы.

На этом эксперименты пришлось прекратить. Я, пожалуй, чересчур увлекся, так как резервуар опустел более чем на две трети. Да и Сардас довольно сильно устал. Ему по-прежнему было интересно, но вот глаза у парня откровенно слипались. Вернуться обратно к своему месту в повозке труда не составило. Если кто и заметил мое отсутствие, то никак не часовой. За то время, что я колобродил, он не соизволил не то чтобы проснуться, но даже перевернуться на другой бок.

Во вторую ночь я тоже без особого труда тренировался почти до рассвета. В третью, ближе к утру, Сардас все же попался, и отнюдь не бдительно дрыхнущему часовому.

В глиняную кружку, предусмотрительно с собой захваченную, моя энергетическая нить осторожно наливала воду из поясной фляги подростка. Ну а потом возвращала ее обратно. Тут главным было не удержание предметов, благо масса их была совсем небольшой, а именно точность. Стоило мне не так шевельнуть своей странной конечностью, как часть воды проливалась.

– Bravo! – Возглас сопровождался хлопком в ладоши.

За то время, пока полуэльф разворачивался, я на одних инстинктах успел укутать его броней и заменить один из хлыстов клинком. Позади меня обнаружился один из помощников хозяина обоза, человек лет тридцати пяти, довольно рыхлого телосложения, с невыразительным лицом и носом пьяницы. Вот только был он какой-то не такой. С некоторым удивлением я сообразил, что не могу сосредоточиться на его фигуре. Он стоял совсем рядом с Сардасом... но где именно, чувства понимать отказывались. Он как будто... размазывался, хотя и был ясно виден. Магия, вот только не соображу какая. Но не стихийник явно.

– Кажется, мы еще не представлены друг другу, – улыбнулся человек, демонстрируя пустые ладони в знак мирных намерений. – Я мэтр Пирелли, потомственный маг предсказаний, получивший диплом ордена Ясного Взора. А ты какой

границ искусства принадлежишь?

Магия в том мире, куда я попал, была разная. Это во многом зависело от того, кто ее практиковал. Учебники на этот счет говорили туманно и расплывчато; полную картину, наверное, можно было бы составить лишь самому на основании многолетнего опыта. Ярко выраженным магическим талантом, позволяющим творить сверхъестественное, обладал примерно каждый сотый человек, а слабые способности, к примеру, зажечь костер без спичек, обнаруживались у каждого десятого. Вроде не так много настоящих волшебников набиралось. С другой стороны, не так уж и мало, учитывая общую численность моей расы. По другим народам ситуация была иная. К примеру, эльфы были почти поголовно слабыми эмпатами, каждый десятый эльф был сильным, по человеческим меркам, магом природы. Орки в целом были как люди, только основной упор делали не на стихии, а на шаманизм и некромантию. Среди гномов, настоящих, классических гномов, бородачей полутора метра ростом и поперек себя шире, магом был один из тысячи. Мелкие расы вроде змеелюдей или кого-то, напоминающего по описаниям джиннов, имели свои особенности, но представители их были редки и в заселенных людьми краях почти не встречались.

Но и среди немногочисленных волшебников правила бал специализация. Некоторые школы, как оказалось, диаметрально противоположны друг другу. Маг смерти не мог воз-

звать к стихии жизни, маг огня был бессилён в управлении водой, а маг земли мог подняться в воздух только после хорошего пинка или верхом на ковре-самолете. Но это не значило, что, к примеру, некроманты не могут лечить. Могут, и иногда даже эффективнее, чем маги жизни. Просто они в отличие от своих антагонистов не стимулировали иммунитет до такой степени, что он сам любую болезнь забивал, а уничтожали непосредственно заразу. Аналогично складывалась ситуация и по другим направлениям. Маг огня мог обеспечить кораблю попутное течение, ведь горячая вода поднимается вверх, а холодная опускается вниз, нужно было лишь так рассчитать векторы, чтобы это их движение подталкивало судно вперед, а геомант мог отталкиваться от камней под собой с силой, превосходящей силу притяжения, и таким образом левитировать. Не для всех ситуаций, конечно, были разработаны подходящие заклинания, но по-настоящему талантливый и упорный маг умел все. Он просто изучал несколько направлений сразу, комбинируя предоставляемые ими инструменты, и добивался желаемого результата, предпочитая, впрочем, опираться на базовую предрасположенность, определяемую примерно на половину генетикой, а на вторую половину стилем обучения. Магические силы не то чтобы передавались по наследству... скорее, представители каждой семьи чародеев методом проб и ошибок разрабатывали упражнения, идеально подходящие для развития таланта в области, выбранной их близкими, бывшими одной с

ними крови, а следовательно, совпадающими по множеству параметров. Другие люди, конечно, тоже могли ими пользоваться, но с меньшим успехом, а потому нередко очередной род волшебников, некогда весьма могущественный, начинал вымирать. О законах генетической наследственности в этом мире имели, судя по всему, весьма смутное представление, но о том, что близкородственные браки дают больное потомство, знали. Проблема заключалась в том, что часто решение принималось в пользу того, что пусть уж родятся маги могущественные, хоть и больные, чем здоровые, но бесталанные бездари.

Кроме школ антагонистов, в основном связанных с различными силами, были и, так сказать, более общие специализации. Здесь маги практиковались в чем-то конкретном и этим направлением овладевали в совершенстве. Маги пространства, льда, тумана, предсказатели, артефакторы, рунисты, бестиологи, маги природы и менталисты – много существовало всяких разных направлений. Их создавали, использовали, потом забывали за ненужностью и открывали вновь, как только возникала потребность.

– Сардас, – со вздохом представился полуэльф, чью речь я уже надежно контролировал. – Самоучка. А с чем у меня получается работать, еще не разобрался. Как-то не похоже то, что я творю, на классическую стихийную магию.

– Действительно не стихийная, – кивнул головой Пирелли, – но тем не менее вы ошибаетесь, юноша, магия, которой

вы пользуетесь, вполне классическая, просто в нашем королевстве не получила распространение. Это магия духа.

– Название звучное, – подумав, решил Сардас, – но мне ничего не говорит.

А вот меня его слова заставили задуматься. Магия духа... энергия, которая вытягивается, судя по всему, из душ... Душа и дух – понятия разные, но очень близкие. Кое в каких источниках, которые я читал, это даже синонимы. Если такой раздел магии здесь действительно есть, то это хороший повод легализоваться.

– Неудивительно, – пожал плечами предсказатель, – она практикуется, насколько я знаю, только в паре небольших орденов империи Сянь. Ну что ж, коллега, а вы уже, без сомнения, мой коллега, маг, будете ли вы официально регистрировать свои способности или же предпочтете покинуть Союз?

«Вот блин, – огорченно вздохнул я про себя, – запалился. Теперь татушку таскать придется».

Маги Союза в качества официального и обязательного удостоверения личности использовали татуировку, которую наносили на запястье. Отказ ее носить теоретически приравнивался к заявлению с просьбой о лишении гражданства и заканчивался высылкой из страны. Точнее, из всех стран Союза. Хотя обычно все завершалось крупным штрафом. Правда, в особо запущенных случаях такая мера, как волчий билет, действительно пускалась в ход. А мне это надо?

Цивилизованная же, по местным меркам, территория. В татуировке отражались основные сведения о волшебниках, такие, как имя и статус в магическом ордене или школе... Ну и индивидуальные отметки, не без этого. В основном самые громкие награды и самые большие наказания. За уклонение от почетного клеймления предусматривались впечатляющие штрафные санкции... У Сардаса даже с учетом монет, что спер из сокровищницы Нрыва, и половины той суммы не было. Закон, обязывающий каждого волшебника носить татуировку с личными данными, был принят в не очень памятные времена, во время острого конфликта между светской властью и чародеями. Конфликт завершился, все его участники и даже их правнуки умерли от старости, а закон остался. Очень уж он оказался удобным для обывателей. Посмотришь на руку мага, и сразу видно, кто он и чего может, а также чего следует опасаться. К примеру, если боевой маг наколдывал «дружеский огонь», то ему обязательно делалась соответствующая пометка. И уже потом конкретно этого бракодела в бою солдаты рядом с собой не потерпели бы, прогнав прочь от себя и тем самым снизив возможные потери. Не всем волшебникам нравился такой порядок, но к нему привыкли, и уклоняющихся почти не было. К татуировкам маги относились примерно так же, как жители Земли к профилактическим прививкам. Некрасиво, неприятно, и следы на коже остаются, но раз для работы необходимо, потерпим, куда деваться.

– Буду, – развел я руками, – в леса сородичей моего отца мне путь закрыт. А у вас с собой набор?

Была надежда, что этот тип не обзавелся иглами и не прошел соответствующего обучения. Хотя, если честно, надежда была небольшой. Умение наносить рисунки на кожу в магических школах и орденах в этом мире было столь же обязательной частью образования, как на Земле обучение философии.

– Разумеется, – кивнул предсказатель. – Может, для разговора и проведения процедуры пройдем в мою палатку? Нет, все-таки магия духа – большая редкость. Я, если честно, впервые вижу адепта этой силы. У вас явно прекрасные врожденные данные, молодой человек. Эх, будь вы жителем соседнего континента... в ближайшее десятилетие место как минимум магистра было бы вам обеспечено. Интересно, откуда у вас все-таки этот дар? Или вы эмигрант? Ну, может быть, хоть потомок эмигранта?

– Я? – Полуэльф заметно насторожился. Хотя войны между империей и Союзом не было уже лет сорок, но и мира тоже не было. Пираты все так же грабили джонки азиатов, императорская семья все так же лелеяла планы распространить влияние и на другую сторону океана, прикрывая глаза на рейды, совершаемые их верными самураями на прибрежные города. – Да вы что! Разве я похож на одного из них?

– Не волнуйтесь вы так, – понял причину беспокойства Сардаса Пирелли. – Сразу видно, что вы как маг весьма

неопытны, да к тому же самоучка. Да и потом, не бывает сяньцев с такой бледной кожей, как у вас. И даже полусяньцев. И даже кварталонов. Кстати, вот моя палатка. Чай будете? Что-то прохладно сегодня, не иначе как дождь надвигается.

– Это еще по чему видно, что я самоучка? – немного обиделся я. – Вроде бы у меня неплохо получается. И чай буду.

Чайные кусты росли только в империи Сянь, где был подходящий для них климат. Их листья являлись одной из статей доходов страны. Естественно, напиток был дорог... но я уже баловал им себя пару раз и не намеревался отказываться от него в дальнейшем. Все-таки, несмотря на несколько иной вкус, он сильно напоминал мне о доме. А вот Сардасу чай не нравился. В первую очередь ценой. Бывший попрошайка приходил в настоящий ужас, когда я пытался выбросить такие деньги на ветер. Точнее, на воду с чуть иным вкусом.

– Получается, – кивнул человек, зажигая на походной алхимической горелке огонь и ставя сверху чайник, – и будет получаться, пока не повзрослеешь. Ты же используешь для манипуляции свою собственную энергию души, а не заемную силу. На что-то столь же впечатляющее, как вот это, – кивок на слегка светящуюся в темноте ночи нить, которая по-прежнему тащила следом за мной кружку, – когда повзрослеешь, твоих сил банально перестанет хватать. Поэтому-то ордена, которые практикуют магию духа, так малочисленны. С возрастом несмотря ни на какое мастерство у тех,

кто практикует исключительно эту школу, просто не хватает жизненных энергий на заклятие.

Ха! Это у магов имерии Сянь силы может не хватить, а у меня ее... Свыше сотни душ поставляют и, надеюсь, будут поставлять мне столько силы, что ее хватит на то, чтобы свернуть... ну, может быть, не горы. Может быть, гору. Одну. Небольшую. В несколько подходов. А потом придется ждать, пока резервуар в амулете снова заполнится. Но вот полуэльфа такая перспектива, похоже, сильно встревожила.

– И что, они ничего с этим не могут сделать? – спросил он.

– Могут, – пожал плечами волшебник, прихлебывая напиток. – В первые лет тридцать-сорок жизни пользуются магией духа, чтобы создать себе базу для дальнейшего развития. Деньги копят, артефакты коллекционируют, друзей среди членов других орденов заводят. Ну а затем, когда риск от использования их силы начинает повышаться все быстрее и быстрее, пытаются перейти на другие, более надежные ветви искусства. У многих, к слову, получается. Так что вот мой совет: сразу обучайся другим граням волшебства, благо у тебя неплохие данные, которые первое время будут тебя очень сильно поддерживать. Если хочешь, могу дать тебе протекцию в орден Ясного Взора. Там, конечно, предпочитают потомственных предсказателей, но и для любого другого челове... учащегося будут рады открыть двери.

– У меня нет денег на обучение, – смущенно развел руками Сардас.

– Это, конечно, проблема, – согласился Пирелли. – Но ее можно решить. Заключи стандартный договор с орденом...

– И стань мальчиком на побегушках на энное количество лет, – продолжил я недосказанную речь неудачливого вербовщика. – Спасибо, конечно, за предложение, но вы же сами говорили, что с течением времени моя сила будет только слабеть. Годам примерно к тридцати, когда я рассчитаюсь с орденом, она почти сойдет на нет. Возместить недостаток силы мастерством, как делают маги империи Сянь, я не смогу, нет у нас на континенте тех, кто сможет меня обучить таким тонкостям. А на соседний меня не пустят, а пустят, так вслед плевать будут.

– Зато овладеешь другим разделом магии, – настаивал Пирелли, который, судя по выражению лица, вот-вот «изобрел» бы пословицу: «Язык мой – враг мой». – А не то останешься к тем же тридцати годам обычным обывателем.

– Не останусь, – уверил я его, – мне нравится заниматься магией. Просто предсказания... ну не мое это, лучше стану боевым магом. Вот у них уж точно есть знания о том, что такое магия духа и как с ней работать, все-таки они не раз и не два дрались с империей, а значит, должны знать своих противников.

– Боевая магия? – вспыхнул Пирелли. – Да как ты смеешь ставить этих безграмотных недоучек в один ряд с членами нашего ордена?! Они же абсолютно ничего не понимают в тонких расчетах, в едва уловимых колебаниях эфира, в по-

ложении великих звезд, наконец!

– Очень хорошо, – кивнул я. – Я тоже в них ничего не понимаю. Думаю, мы сработаемся.

– Вон! – выкрикнул предсказатель и, когда я наскипидаренным зайцем выскочил из палатки, вернул меня обратно воплем: – А татуировка?! В первом же городе доложу куда следует!

Пришлось сжать зубы и тащиться обратно, а во время процедуры не отпускать с запястья холод. Пирелли был, судя по всему, на меня сильно обижен и втыкал иглу так, будто хотел пропороть руку насквозь. Зато получилось достаточно красиво. Правильный круг показывал, что я маг, снаружи было написано мое имя, а больше никаких отметок пока и не было, только что я самоучка, да к тому же неопытный.

– Зря ты отказался от вступления в мой орден, – сказал напоследок предсказатель, продемонстрировав свой опознавательный знак. Кроме глаза, служившего отличительным знаком пророков, там имелось еще изображение весов. – Стал бы моим учеником и всю жизнь бы не знал забот. А так крутись, как хочешь, голь перекатная.

Надо же, передо мной – маг-торговец! Теперь понятно, что он делает в обозе. Я не я буду, если цены на хлеб к нашему прибытию в столицу не взлетят раз эдак в пять.

– Зачем мне весы, – пренебрежительно фыркнул я, – мне куда больше подойдет башня.

Башню на запястье носили лишь главы магических орде-

нов. От такой наглости Пирелли выпучил глаза, а я одним глотком допил недешевый чай, оставшийся в чашке, и был таков. Посмеиваясь и почесывая место, куда нанесли магическую татуировку, я шел по спящему лагерю. Жалко, конечно, что не удалось сохранить инкогнито чародея, но зато и таиться теперь не надо, да и с разными документами проблем не будет. Официальный документ, вроде удостоверения личности, у меня теперь, хе-хе, всегда с собой. По крайней мере, до тех пор пока я не решу его свести. Но в общем-то, а зачем это нужно? Наличие следа делает чародея прекрасной мишенью для различных подстав, поэтому даже очень законопослушные волшебники, если меняют свой ранг или положение, предпочитают не удалять старый рисунок, а располагать новый либо поверх него, либо рядом.

Спустя еще четыре дня пути обоз достиг столицы. И еще примерно полдня плелся вдоль ее стен до ворот, ведущих в район складов. М-да... мегаполис. Я, конечно, могу и ошибаться, но народу тут живет явно больше миллиона. И даже двух.

Первый день Сардас был занят тем, что всюду ходил с открытым ртом, рассматривая достопримечательности. Мне было проще. Изумление души, спрятанной в амулете, заметить было просто некому кроме того же Сардаса, но он не в счет. Многие дома и памятники были возведены явно при помощи волшебства и заслуживали того, чтобы на них посмотреть. А площадь перед институтом магии? Да это во-

обще нечто несусветное! Много лет назад, когда альма-матер лучших чародеев страны располагалась еще не в центре города, а на окраине, волшебники заколдовали небольшой водоем, который был у них прямо под окнами с незапамятных времен. Не знаю уж каким образом, но поверхностное натяжение воды в пруду теперь без труда держало человека. Кажется, эффект хотели сделать временным, приурочив его к какому-то торжеству. Прогулка по искрящейся под ярким солнцем прозрачной воде, в глубине которой плавает рыба, неплохая реклама, не правда ли? Но то, что получилось, так понравилось всем, что чары сделали постоянными. В результате водная площадь стала жутко популярным местом, где кроме магов полюбили прогуливаться незанятые важными делами жители столицы. По берегам моментально открылись закусочные и запивочные, а также гостиницы для тех, кто приехал полюбоваться на это чудо издалека. Цены на прибрежную территорию, естественно, взлетели вверх, потянув за собой приток капитала... Короче, новый столичный район вокруг института вырос быстрее, чем на него оформили документы. Бродить здесь было жутко интересно, особенно мне. Хотя, признаюсь честно, и страшновато. Все же маги поопытнее того предсказателя с патентом могли бы заинтересоваться мной. Но – пронесло.

Еще одной достопримечательностью был королевский парк, больше напоминающий средних размеров лес, населенный самыми экзотическими растениями и животными и

примыкающий одним своим краем к ограде дворца. И вот когда поздним вечером Сардас захотел пройтись по той части парка, куда доступ был открыт для всех, начались проблемы.

– Вот это да! – раздался голос справа и сзади в тот момент, когда я с легким удивлением обнаружил в глухом парковом уголке самую настоящую орхидею, растущую в средних в общем-то широтах без купола теплицы над собой. – Посмотрите-ка, кто сюда пришел! Эй, парни, привратникам стоит сделать замечание за то, что пустили сюда крысеныша... ах, пардон, полукрысеныша, как считаете?

Сардас внутренне сжался, предчувствуя побои. Прodelать ему то же самое внешне я не позволил, частично перехватив управление телом и обернувшись. Двое. Упитанные и в одинаковой одежде, с алебардами... тьфу ты, да это ж королевские гвардейцы! Эти младшие дворянские сынки меня ни с кем не спутали, нет? Все-таки я первый раз в столице и не мог перейти им дорогу...

Пока Сардас и я стояли и думали, в зубы слева нам въехало окованное железом древко. Было больно. Тщедушного полуэльфа качнуло в сторону, и он сел прямо на дорожку из гравия, машинально схватившись за ушибленное место, прежде чем я успел его обезболить. Гвардейцы радостно захохотали. Все трое. Блин, одного не заметил.

– Прекрасный удар, просто прекрасный, – уверил владельца так больно стукнувшего меня оружия молодой брюнет лет

двадцати – двадцати двух с четко выраженным квадратным подбородком и глубоко посаженными глазами.

Ну и морда! Прямо как у гориллы. Хотя почему как? Горилла и есть, только стриженная.

– Я много тренируюсь, – ответил мой обидчик, обладающий слегка вытянутой вперед и сплюсненной с боков физиономией. Будет зваться Гиббоном, внешне похож. А третий, молчаливый, гвардеец станет Макакой, ибо особых внешних примет, кроме какого-то красного шеврона на фирменной куртке, у него нет, а разрывать столь удобную классификацию не хочется.

– Ну что, гаденыш, – обратился ко мне Макака, – в катажку пойдешь за бродяжничество или за воровство, а? Бродяг бьют меньше, вора́м срок больше. Что выбираешь?

Не люблю подобную публику, и на то есть причины. Как-то группка подобных уродов числом в восемь рыл, каждый лет эдак двадцати – двадцати пяти, наткнулась на десятиклассника, возвращающегося не слишком поздним вечером от одной знакомой. На меня. Пять минут морального унижения, пропавшая мелочь из карманов, попорченная одежда и один закрытый перелом руки остались мне от той встречи. Хорошо, что я, когда меня запинывали, сумел кое-как поставить блок. Хоть череп остался цел, целились-то они своими тяжелыми ботсами по голове. Милиция... я туда даже не обращался. Станут они ловить мелких хулиганов, когда у них не все окрестные ларьки выдоены, а в детсадах ревизии не

проведены. Хотя здешние стражи порядка земных переплюнули, не спорю... Не всех, правда. Есть и на нашей родине особо важные личности, которым в числе прочего дозволяется стрельба по случайным людям... Но их за это хотя бы ругают, а вот местным феодалам, решившим проучить представителя не той национальности, за которого к тому же ни одно землячество не заступится, даже общественное порицание не грозит.

– Ну чего молчишь, пацан? – нагло выперся вперед Гиббон и древком алебарды легонько ткнул Сардаса в живот.

Попытался ткнуть. Ставший на мгновение видимым энергетический доспех, который я уже давно набросил на полуэльфа, легко отбил удар.

– Ага! – обрадовалась непонятно чему эта недоразвитая форма жизни. – Сопротивление гвардии его высочества! Попытка магического нападения! Не, парень, это уже не катажка, это каторга!

– Ну ты попал, – с притворным сочувствием покачал головой Макака, – судя по одежде, денег на штраф у тебя точно нет, а это значит, суд снисхождение проявлять не будет. Ну что, болезный, сам пойдешь или тебе помочь?

И не дожидаясь ответа, резко перехватил свою алебарду поудобнее и молниеносно ударил плашмя по голове полуэльфа. Моя магическая броня лопнула, а Сардаса бросило на дорожку, сильно оглушив. Судя по всему, оружие было зачарованно. Ну ладно, гаденыши, сами напросились. Тех гоп-

ников, что когда-то избили меня, уже не достать, но вы за них ответите.

Нити, которые я выбросил в направлении гвардейцев, разбились о полупрозрачные сферы, вспыхнувшие вокруг них. Угу. Значит, у ребят не только магическое табельное оружие, но и бронежилеты, вернее, бронеамулеты имеются. Впрочем, следовало ожидать.

По парку разнесся звук гонга. Кажется, тревогу объявили, сейчас другие охранники имущества его величества пожалуют, причем наверняка в их числе будут не только нахальные сопляки, но и прошедшие все и вся ветераны, которые разделяют наш с Сардасом дуэт под орех. И потому следующая моя атака была из тех, что в симуляторах рукопашного боя называется фаталити. Резкий выплеск примерно десятой части резервуара энергии, плескавшегося в глубинах амулета, накрыл гвардейцев. С печальным звоном полопались амулеты, защита смялась под напором грубой силы. И с влажным хрустом смялись сами гвардейцы, которых моя воля выжала, как половую тряпку. Вот так-то. Не будете больше в безлюдных уголках на посетителей охотиться. Будем надеяться, тот предсказатель не соврал, и магией духа кроме меня пользуются лишь некоторые искусники из воинских орденов. Пусть мстители, если они будут, ищут отцов-настоятелей здешних Шаолиней. Авось еще и от них по морде получат и очистят, таким образом, генофонд нации.

Однако... на месте погибших остались какие-то странные

очертания. Души! Я вижу души! Движимый любопытством, я приблизился к одной, и тут же грудь резанула вспышка боли. Из того места, где под кожей находился амулет, ударил темно-синий луч. Он врезался в ближайший ко мне силуэт, который немедленно закрутило и всосало под кожу... внутрь амулета!

«Что происходит?!» – раздался в моем внутреннем пространстве вопль Гиббона.

«Ты умер», – ответил я ему, возводя вокруг незваного гостя при помощи щупов из энергии клетку из хлама, оставшегося от моих неудачных попыток освободить обитателей статуй.

«Ты за это ответишь! – продолжал бесноваться пленник. – Я барон...»

Сгустками синего огня, которыми покойный колдун затыкал души, посмевающие ему сопротивляться, я не владел. Но придвинувшиеся вплотную к полупрозрачному силуэту стены импровизированной клетки сработали не хуже. Конечно, то, что осталось от бравого стража порядка, очень противно вопило... но недолго. До тех пор, пока у него не кончился запас сил и он не впал в оцепенение.

«Демон! Демон! Скорее! – пробилась ко мне паническая мысль Сардаса. – Нас окружают!»

Я перенес внимание в реальный мир и чертыхнулся. Два десятка фигур в полупрозрачных сферах защиты рысью неслись к замершему в ступоре полуэльфу.

«Держись», – посоветовал я ему и прыгнул вверх.

«За что?!» – Панический вопль был мне ответом.

«За что хочешь, за то и держись, – усмехнулся я, ловя силовой нитью ветку величественного дерева и подтягиваясь на ней вперед и вверх. – С дороги все, Тарзан летит!»

«Так тебя Тарзан зовут?» – наконец-то сумел внятно сформулировать что-то кроме «Спасите!», «Сейчас разобьемся!» и «Здорово!» полуэльф.

«Нет, – усмехнулся я, перелетая с дерева на дерево. – Тарзаном звали изобретателя этого оригинального способа передвижения. Это уже потом, много лет спустя его лавры отобрал себе человек-паук и прочие подобные персонажи».

Ударившая в плечо стрела мигом испортила мое праздничное настроение. Черт, больно-то как! Хорошо еще, что боль я чувствую далеко не в полном объеме, благодаря тому что тело не мое. Сардас так и вообще способность сообщать утратил и тихонько подвывает. Вырвать инородный предмет силовой нитью просто... А вот затянуть рану оказалось неожиданно сложно. Она не то чтобы совсем не поддавалась, но делала это крайне неохотно. То ли стрела была отравленной, то ли замагиченной, но уж точно не простым куском дерева и металла.

Следующая ее товарка пролетела мимо головы чудом. В роли чуда выступал силовой доспех, в который я после ранения спешно закачивал запасы энергии. Про демаскировку лучше пока забыть, все равно уже засекли и активно ищут.

Перелетев через невысокую стену, я радостно вписался в какую-то карету и перевернул ее. Чьи-то вопли были громкими, но непонятными, слишком уж сильно я оттеснил Сардаса от управления телом. Стартовав прямо из обломков, в считанные секунды добрался до реки, плюхнулся туда, проплыл на всей своей немалой скорости под водой, пока кислород в легких не кончился, и только потом вынырнул. Так, это уже не центральный район, слишком бедно одеты хозяйева удивленно выпученных на меня глаз. Вздох, и снова ныряю, выныриваю уже под каким-то мостом.

«На фиг эту цивилизацию, – буркнул я, огорченно рассматривая рваный рукав куртки с дырой от стрелы посередине. На мои мысли ровным фоном наслаивались доносящиеся от Сардаса обрывки панических «Догонят!», «Найдут!» и печальное «Я все еще слабый, даже с демоном». – Очень может быть, – согласился я с последним пунктом. – Но ты сам виноват. Кто отлынивал от тренировок под разными предложениями? Да и я тоже хорош... поддался на твои уговоры, тупой болван. Видно, пребывание в этой побрякушке ничему меня так и не научило».

«А сам-то? – обиделся полуэльф. – Толком колдовать не умеешь, в амулете сидишь, когда я к тебе туда с вопросами лезу, ворчишь, как пес, у которого кость из-под носа уводят, а туда же, учить вздумал. Что, не можешь сделать меня сильным раз и навсегда? Тогда я от тебя отстану, виси там у себя в темной пустоте, сколько хочешь, а я сам все сделаю. И бо-

гатство заработаю, и титул, и... и... и сам магом стану, причем сильнее, чем ты!»

«Да? Ну станешь ты сильным с моей помощью, – начал рассуждать я. – А куда ты дальше пойдешь, если тебе не подсказывать вовремя? В армию? Теперь это несколько проблематично, да и дальше младшего офицера не уйдешь. В маги? Я тебя на порог более-менее приличного чародея не пущу, мне этих кудесников уже до самой смерти... гм... в общем видеть их мне не хочется. Про жрецов и не заикайся, это даже на шутку не тянет. В бандиты подашься? Ты сможешь очень долго оставаться неуловимым... до тех пор, пока ловить тебя станут не как вора, а как одержимого. А это неминуемо выплывет наружу после того, как нас не поймают еще энное количество раз».

«А что предлагаешь ты?» – подумав, спросил полуэльф.

«Очень просто. Помнишь, ты рассказывал мне про Побережье?»

«Помню».

«Почему бы нам не переселиться туда? Там нас точно стража как бродяжек не повяжет».

«Стража? Да ты смеешься! С той силой, которую ты мне дал, мы их...»

«Нас поймают очень быстро. После одного-двух десятков трупов. А вот в тех краях ловить некому, более того, такая мысль никому и в голову не придет. А вот подняться, наоборот, можно легко».

«Но как же пираты?»

«Малыш, ну я же все-таки демон. Уж пару-тройку посу-
дин мы утопить всегда сумеем. А потом, есть у меня на при-
мете относительно легкий способ обогащения».

«Какой?»

«На Побережье, я думаю, немало затонувших кораблей...
Скажи, а местные маги умеют дышать под водой?»

Глава 4

Впервые с тех пор, как получил возможность разделить чувства носителя амулета, я всерьез задумался о том, что быть живым – это подчас весьма неудобно. В пыточной, к примеру. Ну или на второй неделе пешего пути по лесам. Что, впрочем, почти одно и то же.

Нет, сначала все шло неплохо... Как неплохо может «идти» спешное бегство. Резонно рассудив, что привратники еще очень долго будут внимательно всех проходящих осматривать на предмет схожести с моей физиономией, я сгонял в гостиницу за своими вещами, после чего до наступления ночи отсиживался в чем-то вроде открытого кафе, ну а затем банально перелез через городскую стену. Это не так уж и сложно, если кроме рук и ног воспользоваться двумя силовыми нитями, которые легко выдерживают твой вес... Может, какая-то сигнализация поверх стены и была, не знаю, но как только ноги Сардаса коснулись земли, я перешел на самый быстрый бег, на который был способен, и не останавливался, пока не добрался до ближайшего лесочка.

«Проклятие, что со мной?! Грязное отродье, ты за это ответиш-ш-ш-шь!» – гневный возглас перешел в едва слышное шипение и угас.

Энергетическая броня мгновенно окутала тело полуэльфа. Кинжал и засапожный нож вылетели из одежды и закру-

жились вокруг Сардаса, удерживаемые силовыми нитями и готовые кромсать все, что попадется на их пути. Я тянул из резервуара энергию, готовясь выплеснуть ее всесокрушающим потоком.

«Ты чего творишь?! – громким шепотом спросил полуэльф. – А ну притуши сияние, мы от города недалеко, еще увидят!»

«Поздно пить боржоми, если почки отказали, – процедил я, наращивая и наращивая защиту. – Где они, ты их видишь?»

«Кого?»

«Ну тех, кто нас обматерил».

«Не материл нас никто!»

«Ты хочешь сказать, что не слышал?»

«Чего не слышал?»

Диалог в подобном ключе длился уже полуминуты, а на нас никто все еще не напал. Странно. Может, мне и правда показалось? Но так или иначе, следующие полчаса мы с Сардасом всеми доступными органами чувств пытались понять, кто соизволил обматерить крадущегося по темному ночному лесу подростка со спрятанным в груди артефактом, причем так, что душа, заключенная в артефакте, это услышала, а хозяин тела нет. Но сколько ни прислушивался и ни присматривался полуэльф, никого так и не обнаружил. А меня посетило озарение. Или, вернее, наконец-то появилась логичная мысль. Гвардеец! Гвардеец, чью душу я, а вернее, аму-

лет, вобрал в себя. Я присмотрелся к своеобразному загону, в котором застыл его силуэт, и убедился в этом. Перед тем как залезть на стену, я глядел на него. Он был почти в самом центре клетки, а сейчас стоял вплотную к ее прутьям. Значит, он двигался, ну и разговаривал соответственно, раз я его услышал. А потом выдохся, то-то его последние слова были такими тихими, что перешли в шипение. Попробуем-ка его подпитать энергией. Мне это помогало. Вдруг поможет и ему?

«Тварь! Да как ты смеешь! Немедленно выпусти меня!» – вопли, раздавшиеся одновременно с действием, когда силуэт гвардейца втянул в себя несколько алых хлопьев, отщипнутых мной с поверхности резервуара, прозвучали достаточно громко, чтобы их услышал даже глухой. Одновременно гвардеец стал совершать руками какие-то странные манипуляции... А! Это же он пытается раздвинуть прутья, которые его жгут, но хваталки рефлекторно отдергиваются назад. Ну-ну... если не возьмется за дело всерьез, то управится аккуратно к тому моменту, когда юный полуэльф скончается от старости.

«И теперь не слышишь?» – спросил я Сардаса.

«Теперь слышал. А кто это и где он?»

«Трофей из парка, – пробормотал я, размышляя. – Знаешь, хватит стоять на одном месте, иди дальше, а я там, у себя внутри амулета, с ним разберусь».

Подросток пожал плечами и продолжил путь. Фаталист он

все-таки, совсем не интересуется тем, на что не может воздействовать. «Если не можешь ничего изменить, так чего метаться» – таков его девиз. Ущербная логика, на мой взгляд. С другой стороны, нервы целее будут... Так, стоп, хватит, надо вплотную заняться пленником. Длительный допрос с применением интенсивных способов дознания, как только душа начинала артачиться, не дал ничего интересного. Все, о чем рассказывал этот баронет, по большей части относилось либо к его жизни в родном поместье с не особо несговорчивыми селянками, либо к приключениям в столичных борделях с не слишком высокими ценами. Про то, что не касалось жратвы, выпивки, драк и особенно девок, даже Сардас знал больше. Полезной информацией стало то, что его алебарда была действительно отлично зачарована, да не кем-нибудь, а одним из придворных магов, и что защитный амулет был выдан по месту службы и стоил кучу денег. Вывод, сделанный из этой информации, гласил: мой энергетический щит первой попавшейся оглоблей, над которой минут пять пошаманил местный умелец, с одного удара не пробить. Уже неплохо. На этом ценная информация кончилась. То ли гвардеец попался с незаурядными актерскими данными и склонностью к мазохизму, то ли он просто был туп как пробка. Я склонялся ко второму варианту.

Сардас к протекающему внутри амулета допросу остался подозрительно глух. Когда же ему был задан прямой вопрос, не сильно ли я его отвлекаю, полуэльф с искренним удивле-

нием ответил, что почти ничего не слышал.

«Значит, носитель амулета может слышать происходящее в нем, только если он будет в тесном контакте со мной, – решил я. – Во всяком случае, когда полуэльф крался по лесу, я, чтобы не мешать, отступил в глубь сознания, и Сардас воплей Гиббона не слышал. А тот колдун, который командовал душами... ну, будем считать, что он прошел специальную подготовку».

«Хватит! – Вопли пленника, мешающие мне думать, приобрели просительную интонацию. – Сними с меня эту иллюзию, волшебник!»

«Какую иллюзию? – Мой дух подлетел к клетке. – Парень, ты что, не понял, что произошло?»

«Понял, – с готовностью кивнул Гиббон. – Мы рассердили мага разума или иллюзиониста. Готовы выплатить компенсацию и принести официальные извинения. Выпусти меня...»

«Вы – это кто?» – уточнил я.

«Я, баронет Стайклиф и маркиз Хдело, – с готовностью ответил пленник. – Значит, их ты не тронул, только меня зачаровал?»

«Так вот как звали тех двоих, – задумчиво пробормотал я, – надо запомнить».

«Что значит «звали»? Отпусти!» – не унимался пленник, упрямо не верящий в собственную смерть.

Чтобы заткнуть его, я прекратил подачу энергии и стал внимательно наблюдать за силуэтом.

«Что ты творишь?! – не унимался урод. – Хватит! Прекрати! Мой отец заплатит...»

На последних словах его речь стала угасать, а руки, которыми он размахивал, начали двигаться медленнее, как будто под водой. Еще пара выкриков и дерганий – и душа аристократа затихла.

«Заряд кончился», – вынес я вердикт, легонько пиная стену клетки.

В следующий раз пленник пришел в себя почти на рассвете. Потом ближе к обеду. Под вечер. В общем, в сутки он приходил в себя три-четыре раза и редко на срок, превышающий две минуты, в крайнем случае, три. Но в те моменты, когда он все-таки был в сознании, шума от него было изрядно. Да еще какого! Вот уж не знал, что можно так ругаться. В конце концов мне это надоело.

«Да заткнись ты, – прорычал я, после того как этот ублюдок весьма изощренно прошелся по моей генеалогии. Не подействовало. Сам виноват. Нацепить на силовую нить что-то вроде крюка было секундным делом. А вот пройтись ею снизу вверх по силуэту пленника трехсекундным. Можно было бы, конечно, делать это быстрее, но я решил растянуть удовольствие. Гиббон не возражал, только визжал, как поросенок, пока мое орудие не добралось до того места, где у живых располагается горло. А затем он заткнулся. – Вот так-то», – хмыкнул я и вернул энергетическую конечность обратно.

На конце крюка трепетал небольшой алый лоскут, мед-

ленно впитывающийся в меня. В следующий раз пленник пришел в себя только через день. Но в сознании он пробыл недолго. Краткий взвизг, и я оказался обладателем новой добычи.

«Любопытно», – произнес я, впитывая украденную энергию. Видимо, способность амулета поглощать чужие души нужна не для красоты, а для увеличения, так сказать, полезной емкости. Гм... а почему набирается так мало? Из трубопроводов-то вроде куда активнее энергия сочится... А! Так ведь тот колдун собирал вроде бы персон исключительно экстраординарных, а этот аристократишка – самый обычный человек... Не очень умный вдобавок. Как бы заставить его замолчать, а? Гм... учитывая, что энергию на активные действия он копит несколько часов, можно попробовать забрать ее раньше, чем она пробудит эту прямоходящую обезьяну.

Теория подтвердилась: после того как я раз в шесть часов выкачивал из барончика хилый лоскуток, тот вообще в сознание не приходил.

«Что ж, – решил я, – выходит, я могу несколько увеличить количество доступной мне энергии... Амулет абсолютно точно рассчитан на куда большее количество душ, чем то, что есть в нем сейчас, пустых клеток здесь хватает... А что будет, если заточить эту сволочь в одну из них?»

Стоило мне закинуть пребывающего в ступоре гвардейца в пустую клетку, как дверь в нее немедленно захлопнулась, едва не съездив мне по лицу, пол полыхнул зеленою, и через

несколько секунд новая статуя украсила собой внутреннее пространство амулета.

«Ура, – буркнул я, убедившись на десятый день, что Гиббон больше голоса не подаст. – Покойный чернокнижник установил, судя по всему, автоматическую систему по выкачиванию полезного ресурса. Непонятно только, зачем ему в таком случае нужны были те тварюшки, что распихивали души по клеткам... наверное, чтобы не дать им время на сопротивление. Если бы хоть десять жертв успели прийти в себя и обнаружить убившую их сволочь в зоне досягаемости, его бы точно на лоскутки порвали... В прямом и переносном смыслах».

Сардасу возня внутри амулета была абсолютно по барабану. Все это время он целеустремленно шел в нужном направлении, лишь изредка прибегая к помощи, чтобы залечить мелкие ссадины или унять боль в натруженных мышцах. Сила и скорость одержимого у него без моего влияния хоть и уменьшились, но все еще оставались, а большего полуэльфу в лесу и не нужно было.

Путь до Побережья, с тамошним почти полным отсутствием власти, наш дуэт решил проделать, по возможности избегая контактов с окружающим миром. Надо сказать, у нас получилось: в этом мире лесные массивы еще не были пущены на дрова. По открытой местности я передвигался редко и на глаза потенциальным доносчикам в органы правопорядка не попадался. Несколько встреч с крестьянами, которым до

меня не было никакого дела, с браконьерами, которые, по моему, сами меня испугались, и лесорубами, которые вроде бы даже не заметили мелкого и шустрого полуэльфа, не в счет. Ориентироваться по солнцу и шагать в выбранном направлении было легко, ну а там уж рано или поздно моря или дороги, ведущей в один из прибрежных городов, я бы достиг. Ночевал на деревьях, привязываясь к самой толстой и удобной ветке веревками, чтобы какой-нибудь хищный зверь не сумел во время сна откусить кусочек, прежде чем полуэльф проснется и я его зашибу. Конечно, на дереве тоже могла бы встретиться рысь или россомаха, но пронесло. Пару раз столкнулся с волками и один раз с какой-то непонятной тварью. Дикие родственники собак оказались очень умными. Стоило размазать о дерево одного хищника, как вся свора спешно разворачивалась и давала деру. Странное поведение. Я, если честно, думал, что будут бросаться всей стаей. Наверное, у них за многие поколения выработался рефлекс держаться от существ, которые пользуются магией, как можно дальше, ведь по сравнению с ними они отнюдь не верхушка пищевой пирамиды. Но комплект клыков, которые при помощи силовых нитей выдрал из пасти мертвого животного, я все же сложил в походный мешок. Первый охотничий трофей, как-никак... даже если не удастся продать за мелкую монету, то стоит сохранить на память. Хотелось бы, конечно, снять еще и шкуры, но ни Сардас, ни тем более я не знали, как это делается. А вот следующая встреча

была совсем не безопасной для меня. Еще немного, и кости полуэльфа с застрявшим между ребер медальоном остались бы в лесу.

Нечто темное с большими шипами на спине бросилось на меня из высокой травы, которая росла на опушке, избранной для привала. Скорость твари была столь велика, что наш с Сардасом дуэт сообразил, что что-то не так, только когда на вздернутых к лицу руках сошлись челюсти с воистину жуткими клыками. Полуэльф орал от боли и слабо пинал чудовище в тугое брюхо. Ну а я молча наращивал энергетический доспех. Почувяв, что с добычей что-то не то, монстр отскочил, сжимая в зубах изрядный кусок вырванного мяса. На одном непомерно большом клыке зацепился лоскут рубашки. Все это взгляд Сардаса успел схватить в ту секунду, которая ушла у меня на использование самого убойного в моем небольшом магическом арсенале оружия. Тварь, голова которой была оторвана от тела импульсом, сожравшим примерно двадцатую часть резервуара в амулете, еще секунду постояла, пятная кровью траву вокруг себя, после чего упала, посучила лапами и затихла уже окончательно. Пока под действием призванного холода останавливалась кровь, я ошеломленно уставился на оскал существа, характерной деталью которого являлись два резца, опускавшихся с верхней челюсти.

«Шустрый суслик, – вынес я вердикт, рассматривая помесь гигантского саблезубого бобра с не менее гигантским

ежиком, – еще чуть-чуть, и схомячил бы».

Комментарии Сардаса на эту тему были куда более длинными и куда менее цензурными. Уличное воспитание, что поделать? Впрочем, я его чувства полностью разделял и тоже сказал бы останкам монстра пару ласковых, но на фоне потока красноречия полуэльфа мои дилетантские потуги выглядели бы убого. Кстати, там, откуда был вырван кусок мяса, несмотря на целительную магию, плоть выросла только к вечеру. Да и шрам остался, пусть и бледный и словно бы давнишний, но все же... Ну что ж, я не всемогущ, я знал это. К тому же шрам, думаю, можно убрать. Просто срезать кожу и нарастить новую, – работы на пять минут, но сейчас заниматься этим нет никакого желания. Клыки монстра я выбил и тоже положил к себе в мешок, к уже добытым волчьим. Если уж и на них покупателя не найдется, значит, что ремесло траппера в этом мире просто не успели изобрести. К счастью, товарищей-сородичей напавшего на меня создания поблизости не оказалось, и переночевал я, как всегда, спокойно, разве что забрался повыше.

А на следующий день начались проблемы, до которых даже стае монстров было далеко, так как их хоть перебить можно. Сначала кончился лес. Точнее, он кончился в нужном нам направлении. Мы с Сардасом быстренько посоветовались и решили, что от столицы и королевских гвардейцев нас отделяет достаточное расстояние, а следовательно, прятаться больше не имеет смысла и можно выйти на нормальную до-

рогу к людям, кроватям и крыше над головой. Дорогу мы нашли, а вот поселения людей или иных разумных не обнаружилось, что явно свидетельствовало о том, что Побережья мы достигли. Тут селятся либо крупными городами-крепостями, либо не селятся вообще, так как обычную деревню неминуемо сожгут при первом же набеге. Пара торговцев, правда, мимо проехала, но к ним в обозы проситься не было ну никакого резону. Во-первых, не примут, во-вторых, они и сами, как правило, спят на земле, так как место в повозках занято товарами. К вечеру того дня, когда полуэльф со спрятанным в груди медальоном выбрался из леса, набежали тучки. И было это четыре дня назад. Четыре очень долгих дня.

Проливные дожди превратили дорогу в грязное месиво, костер – в несбыточную мечту, а меня – в озлобленного злого духа, то есть того, кем я, по сути, и являлся. Гадкая вода, льющаяся с небес, никак не кончалась, вися в воздухе мелкой-мелкой взвесью. Идти по лужам, проваливаясь изредка по колени, я мог. Сардас тоже. Но ни одному из нас делать этого не хотелось. За возможность отдохнуть в уютном фиолетовом тумане амулета мы боролись едва ли не яростнее, чем за контроль над телом в первые минуты нашей встречи. И если в силовом методе решения конфликта у меня было преимущество, то в дипломатическом...

«Хватит, надоело! Твоя очередь шагать!» – снова заканючил полуэльф.

«С чего вдруг? – отшил его претензии я. – Мы вроде договорились, что до обеда иду я, после – ты. Обед был уже давненько, а ужинать еще рановато».

«Ничего не рановато, пора!» – не унимался Сардас.

«Рановато. Ты ведь еще есть не хочешь, просто устал».

«Ну тогда хоть зонтик поднови».

«Что, опять протекает?»

«Нет, просто ветер сменился. Теперь слева задувает. Что ты за демон такой, а? Все демоны должны уметь управлять огнем. Ну хоть чуть-чуть, чтобы одежду высушить. А ты?»

«А я могу ее выжать вместе с тем, на ком она надета. Ладно, не бурчи, сейчас подправлю зонтик».

Вот кто бы мне еще совсем недавно сказал, что я буду способен поддерживать защитное заклинание двадцать четыре часа в сутки, а? Я бы хоть подготовился... морально. Уговорил бы полуэльфа плюнуть на это Побережье и махнуть куда-нибудь поближе к степям или пустыням, где вода по большей части в бочках. В крайнем случае, в небольших реках и озерах. Но не повсюду, включая воздух, еду, куртку и даже, о ужас, нижнее белье. Я серьезно обрадовался тому, что до амулета она добраться не смогла. Мало ли... проточную воду много где рекомендуют как средство от нежити и нечисти, а я ведь, скажем так, альтернативная форма жизни. И вокруг меня повсюду течет вода. Или, вернее, стекает по зонтику. Заклинание «Зонтик», которое я разработал к вечеру первого дождливого дня, представляло собой,

по сути, несколько видоизмененную версию магических доспехов. Вместо прочных лат я затянул душу Сардаса в тонкую пленку, оставив лишь щель внизу для циркуляции воздуха. Такая защита требовала куда меньше сил, но и остановить могла лишь что-то очень мелкое и почти без импульса. Пыль, например. Или воду. Увы и ах. Энергия во внешнем мире, несмотря на ухищрения, умудрялась уходить в никуда. Пусть расход был небольшим, пусть резервуар позади трона и пополнялся, но тем не менее держать защиту против воды вторые сутки было несколько... утомительно. Она то истончалась, сходя на нет, то дырявилась неизвестно почему... Стоило воде попасть на полуэльфа, как он мгновенно начал меня теревить, чтобы я исправлял ошибку. Может, легче вылечить Сардаса от простуды, чем спрятать от дождя? Наверное, так, но теперь поздно дергаться. На будущее надо запомнить, что единственная защита, которую я могу обеспечить, это защита от стрел, фаерболов и прочих опасных для жизни объектов. А от грязи, пыли и комаров пусть спасется самостоятельно.

– Маг! Маг! Да стой ты, задохлик, куда прешь?

Я едва не затоптал неожиданно возникшего из пелены дождя человека. Хотя кто кого бы затоптал – вопрос спорный. Детина был, что называется, шкафчик с антресолями, не хуже тех, что охраняют разных шишек от всевозможных террористов и журналистов. Даже одет был в соответствии с местными правилами приличия для бодигардов и просто крутых

пацанов. В кожаную куртку с нашитыми металлическими бляхами. Неужели разбойник? Гм... посочувствую нелегкому труду работников ножа и топора. В такую погоду караулить на тракте, да еще впустую... Ибо денег у меня почти нет, а те, что есть, я не отдам.

– Чего тебе? – буркнул я.

– Ты маг, да? – спросил человекообразный предмет обстановки.

Я попробовал представить себя со стороны. Худой. Грязный. Но частично сухой в окружении льющей с неба воды. Ах да, еще мою фигуру плащом облегает слабенькое сияние, по которому, собственно, и скатывается дождь. Ну и кем я еще могу быть кроме как магом? Гм... вообще-то много кем. Богачом с хорошим амулетом, священником одного из богов местного пантеона и просто человеком, у которого есть небольшие зачатки дара, но который что-то посерьезнее той же защиты от дождя создать не сможет.

– Маг, маг, – согласился с ним я и показал татуировку на запястье. – Сардас. Самоучка.

– А направление? – не отставал детина.

– Да уж не погодник. – Я со злостью посмотрел на темные облака, из которых мелкими капельками вниз падали осадки. – Целитель. А ты сам-то кто и чего надо?

– Десятник стражи Побережья. А надо мне боевого мага или еще лучше, некроманта. Нежить у нас на заставе завелась, да еще, зараза, на благословения священника не реаги-

рует.

Угу. Не реагирует... Что-то я про это читал, но что? А! Вспомнил. После того как до меня дошло, про что именно говорит солдат, Сардас без подсказки встал в боевую стойку, а плетение зонтика сменилось на настоящие доспехи. В этом мире бывает нежить. Разная. И встает она по многим причинам. Но нежить, которую не в силах упокоить светлый священник, имеет только одно объяснение. У нее индульгенция от светлых сил на проведение мести. И кому попало ее не дают. Покойный должен был быть, во-первых, праведником, во-вторых, невинно убиенным, в-третьих, убиенным не просто так, а крайне зверски, ну и, в-четвертых, тело должно было быть осквернено.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.